

АНАТОЛИЙ ГРЕШНЕВИКОВ

депутат Государственной Думы РФ

ПРАВСТВЕННЫЕ ВЕРШИНЫ

В разгар рабочего дня заходит ко мне в кабинет Валерий Хайрюзов.

— Можно на вашем видеке фильм посмотреть? — с ходу задаёт вопрос.

— Какой? — интересуюсь я.

— О природе, о Байкале, о Сибири. Я сам, между прочим, его снял.

— Если о Байкале, то давай, показывай.

Мой помощник Николай взял у Валерия диск, вставил в видеомагнитофон. Но техника неожиданно подвела, не стала почему-то показывать фильм.

Ждать, когда помощник разберётся с техникой, у меня времени не было. В эти минуты меня ждал Сергей Бабурин. У нас во фракции менялся руководителем, и по договоренности с Бабуриным я должен был подписать соответствующие документы о выборе Шестакова.

— Я отлучусь минут на десять, а вы пока налаживайте видеомагнитофон, — предложил я. — Вернусь, посмотрим фильм.

Войдя в кабинет Бабурина, я увидел, что тот разговаривает с кем-то по телефону. Оказывается, собеседником был Валентин Григорьевич Распутин. Из отрывочных фраз я уловил, что речь шла о создании музея писателя Николая Гоголя, о восстановлении первоначального облика его могилы, а также о недавно вышедшей книге Распутина «Сибирь, Сибирь...».

В какой-то миг Бабурин повернулся ко мне, широко улыбаясь, и сказал в телефонную трубку:

— Ко мне как раз заглянул наш общий друг Грешневиков Анатолий Николаевич. Я не смогу, извиняюсь, быть на презентации. Командировка. Попрошу Анатолия Николаевича, он наверняка будет в Москве, придёт к вам и поздравит...

Бабурин вновь пронзил меня пристальным взглядом и закивал головой, давая знак, что отказ не принимается. И тотчас, не давая мне времени на раздумья, ответил за меня:

— Он согласен. Передаю ему трубку.

Застигнутый врасплох, не до конца понимающий, куда мне следует идти, я взял трубку и стал слушать не менее растерянного Валентина Григорьевича. Из разговора стало понятно, что у писателя на днях будет проходить творческий вечер, и он приглашает нас на него, а так как в Иркутске вышла его новая книга о Сибири, то он её презентует и подарит нам.

— Спасибо за приглашение, постараюсь обязательно прийти, — поблагодарил я Распутина и пошутил: — Только у меня к вам встречное предложение. Бабурина за его вечную занятость надо наказать. Обещанную книгу ему вы не подписываете, дарите мне и нашей библиотеке в Госдуму. Пусть Сергей ходит туда и читает.

– Хорошо, – сказал Распутин, поняв шутку. – Там у нас от писательского союза есть ещё просьба подтолкнуть правительство – нет никакой работы по подготовке к юбилею Гоголя. Всё-таки дата большая – 200 лет.

– Время ещё, видимо, не подошло. Юбилей-то через год.

– Боюсь, на раскачку время всё уйдёт. Меня с Саввой Ямщиковым включили в оргкомитет, а он ещё только один раз собирался.

Договорившись о совместных действиях по подготовке юбилея Гоголя, я вернул трубку Бабурину.

– Когда хоть он всё успевает? – спросил меня в конце наших дел Бабурин.

– Сам удивляюсь, – ответил я, поражаясь энергии Распутина. – Его на всё хватает, ему до всего дело есть. Писателей в стране десятки тысяч, а беспокоит о том, как мы встретим юбилей Гоголя, он один.

– В Сербии война, а он не боится, едет с нами в самое пекло – в Косово, защищает сербов. В Государственной Думе идёт борьба против принятия Земельного кодекса, он не стоит в стороне – тоже борется, выступает, объясняет людям, что кодекс узаконивает разделение села и страны на богатых и бедных. Смело пишет, что политика нынешнего правительства ведёт к тому, что богатые становятся богаче, а бедные остаются бедными. Я давно заметил, как он всегда умеет держать данное слово... Сказал – сделал. В той же Сербии, на встрече с президентом Республики Сербской поэтом Радованом Караджичем он обмолвился мне, что надо бы издать в России его книгу, а ещё отметить его талант и славянское подвижничество Шолоховской премией. И что же? Проходит время, и мы с тобой едем в Дом писателей на вручение Караджичу этой важной премии.

Я сразу вспомнил тот торжественный день. Караджич был ошеломлён не только премией и вниманием, но и тем огромным отрядом русских писателей и деятелей культуры, которые пришли поддержать его и выразить слова глубокой и искренней любви. Важность события могли оценить в то время лишь немногие, ведь против православной Сербии американские натовские жандармы настроили всю Европу, и такие её лидеры и защитники, как Радован Караджич и Радко Младич, считались преступниками. Понимая абсурдность, незаконность таких нападок, угроз и оценок, наши великие русские писатели Валентин Распутин, Василий Белов, политик Сергей Бабурин пошли на то, чтобы сломать лживые западные стереотипы, развенчать фальшивую пропаганду и возвысить подвиг сербских героев. Нам с Бабуриным, Распутиным и Беловым удалось тогда пообщаться с Караджичем, получить от него в подарок по сборнику стихов и договориться о следующей поездке к нему на фронт. И мы приедем... Правда, в нашей команде будет лишь Василий Белов. Болезнь Распутина не позволит ему присоединиться к нам.

Вспомнил я и другое – то, с каким почтением и уважением относились большие наши писатели к депутату Госдумы Сергею Николаевичу Бабурину, как они, восхищаясь его бесстрашным поведением и патриотическим служением Родине, стремились пообщаться с ним. И тот с распрямлёнными объятиями, открытой сибирской душой встречал Леонида Леонова, Александра Панарина, Юрия Бондарева. Шли к Бабурину толпами. Он был не просто популярен в народе, с его мнением считались, ему доверяли... В таких многочисленных беседах повезло поучаствовать и мне. Благодаря Бабурину я познакомился и стал общаться с Игорем Шафаревичем, Александром Зиновьевым, Леонидом Решетниковым и другими. Первые рабочие встречи с Валентином Распутиным произошли опять же в кругу Бабурина. Подружил нас, сблизил наши мировоззренческие позиции другой человек – замечательный писатель и отважный лётчик Валерий Хайрюзов. Это с ним я хаживал в дом Распутина попить и чаю, и коньячку и поговорить по душам. А первая серьёзная встреча-беседа произошла с участием Бабурина, который пригласил меня поехать с поздравлениями с днём рождения к Валентину Распутину. Тогда он не только заставил меня найти в магазинах столицы нужный подарочный альбом русских художников-передвижников, но и усадил за столом рядом с писателем и певицей Татьяной Петровой.

Уходил я из кабинета Бабурина с мыслью о неисчислимых добрых делах Валентина Распутина во славу нашего Отечества. А когда пришёл в собственный кабинет, то услышал от ждавшего меня Валеры Хайрюзова неожиданное предложение:

– Слушай, Толя, не работает у тебя видеомэгнофон, поехали к Распутину домой, там посмотрим мой фильм, – его твёрдый голос разнёсся по всему пространству кабинета.

– Без приглашения?! – опешил я. – Как можно?!

– К Распутину можно. Я его предупреждал.

– Надо же такому случиться! Только что я у Бабурина говорил с Распутиным, вспоминали потом его дела, а тут опять разговор о нём.

– Так мы едем или не едем?

– Какой разговор?! Если ты договорился, то едем. Но я тогда должен сбегать в магазин. Без гостинцев я к хорошим людям не езжу, а уж тем более к Валентину Григорьевичу. Халявщиков со студенчества терпеть не могу.

Я купил бутылку коньяка в коробке, набор шоколадных конфет и букет белых роз. Цветы, конечно же, предназначались жене писателя Светлане Ивановне, к которой я всё больше испытывал уважение за её домашний уют, гостеприимство и трепетное, заботливое отношение к мужу-труженику.

Дверь квартиры нам вышел открывать сам Распутин. Однако она почему-то долго не поддавалась ключу. Когда всё же распахнулась, Валентин Григорьевич сжал нас в своих объятиях, расцеловал. И, не дав возможности сказать добрые приветственные слова, с ходу спросил меня.

– Как, в Думу тяжело войти, двери сразу открываются?

– В Думе они лучше открываются, – рассмеялся я, приветствуя шуточный радостный настрой писателя. – Заходишь сразу, никакой техники... Вы же бывали у нас?! С погодой вот гораздо всё хуже. У меня на родине в Борисоглебске снег идёт, а здесь, в Москве, – дождь.

Только я решил снять ботинки, опершись спиной о стенку коридора, как хозяин скомандовал нам:

– Не снимайте обувь, проходите так.

Мы отказались идти в переднюю комнату обутые. Тогда Распутин дал нам тапки. В коридоре появилась озабоченная Светлана Ивановна. У неё, оказывается, жили гости из Иркутска – родная сестра с мужем, поэтом Владимиром Скифом. Вручив ей цветы и пакет с коньячным набором, я пошутил, заимствовав фразу из известного комедийного фильма:

– Главное, не перепутать: цветы – женщине, мороженое – детям, то есть мужчинам.

– Мороженое люблю и я, – отозвалась Светлана Ивановна, то ли не поняв шутки, то ли, наоборот, приняв её всерьёз.

Владимир Скиф перебил наш разговор.

– Помню-помню вас по Иркутску, – сказал он, двигаясь ко мне с распростёртыми руками. – Вы на фестиваль “Сияние России” приезжали, хорошо выступали...

– Проходите в зал, не стойте в дверях, – скомандовал Валентин Григорьевич.

В большой просторной комнате нас ждал стол, накрытый домашними яствами. Прежде чем сесть за него, я подарил Распутину свои книги, сказав о каждой несколько слов.

– Это сборник очерков “Хранитель русского лада”, посвящён Василию Белову, нашим с ним поездкам по Сербии, в село Варницы – на родину преподающего Сергея Радонежского, ко мне на родину – в посёлок Борисоглебский, в древний Углич, в самобытный город краеведов Мышкин, и, конечно же, в известную вологодскую деревню Тимонику, где и вы не раз гостевали. Эта книга посвящена краеведческому подвигу писателя из Мышкина Владимира Гречухина. Ему удалось создать мальчишескую краеведческую республику, пройти с экспедициями по всем древним русским регионам, собрать уникальные коллекции прялок, икон, книг, колоколов, ключей и прочей крестьянской утвари. Вместе со своей краеведческой республикой он открыл десятков музеев в городе, создал народный театр, отреставрировал церковь, сохранил усадьбу Тютчева, ввёл для подвижников орден Мыши.

– О Мышкине мне много говорил Василий Белов, – перебил меня Распутин. – Хвалил вашего Гречухина.

– Да, мы с ним ездили туда, он выступал в библиотеке, знакомился с музеями.

– Особо ему понравились, кажется, старые мельницы.

– Он просил меня сфотографироваться на их фоне.

– Подари мне такой снимок.
– Хорошо.
– Белов звал и меня поехать в Мышкин к Гречухину.
– В чём же дело? Только скажите, и я вас туда отвезу.
– Сейчас нет времени.
– Жаль. А этот сборник “Любитель природы” вам знаком. Несколько номеров я вам уже дарил, в один из них вы давали свою статью.
– Его я часто читаю, смотрю. Весьма интересный и талантливый сборник.
– Это коллективный труд. Я собрал многих авторов из разных сёл области – учителя, лесники, краеведы, библиотекари, школьники.
– Теперь мне надолго хватит читать твои книги, – признался Распутин, положив их на полку рядом стоящего шкафа. – А я вот тебе и Сергею Бабуринову, как обещал, припас свою книгу о Сибири. Подпишу потом...
Разговор за столом вновь зашёл о плохой работе правительства над подготовкой юбилея Гоголя. Развить тему не дал Валерий Хайрюзов.
– Давайте сразу кино посмотрим, – предложил он.
– Согласен, – поддержал Распутин. – Кто включит видеомagneтофон? Я не умею с ним обращаться.

Наступило минутное замешательство. Хайрюзов пытливо смотрел на Распутину, а Распутин – на меня. Скиф подозрительно глянул на Хайрюзова: мол, ты принёс фильм, ты и включай. Но так как никто не знал и не умел запустить диск на видеомagneтофоне, то Валентин Григорьевич позвал из кухни жену. Хозяйка пришла и моментально, к нашему общему мужскому стыду, наладила работу техники.

Фильм длился около сорока минут. В героях его ходил сам автор – лётчик Валерий Хайрюзов. Красоты Байкала захватывали дух. Душистая мгла лежала мягкой пеленой над озером. Шаманы без излишней торопливости и наигранности, свойственной некоторым из тех, кто стремился не обычай блюсти, а в концертах поучаствовать, вели среди природы свои подлинные обрядовые заклинания. Они истинно правдоподобны. Пусть мелодии бубна забивают их причудливые и строгие слова, но им веришь, их слушаешь. Вместе с ними переживаешь за умирающую, гибнущую от рук нерадивого человека окружающую природу. Переживаешь за ребёнка и мёртвую женщину, оказавшихся в числе пострадавших из-за нарушений законов природы. Вместе с автором ты осознаешь, как хрупка экосистема священного озера, ты чувствуешь, что если человеку безразличны растения и птицы, то ему незачем беречь и Байкал. Он ему нужен лишь как потребителю, браконьеру. Душа таких людей мертва и потому не испытывает чувства благоговения перед обрядами шаманов, просящих защитить природу.

– Сюжет с мальчиком и погибшей женщиной ты нарочно внёс в фильм? – спрашивает Распутин автора, первым начиная обсуждение. – Придумал, видимо?!

– Да, – соглашается Хайрюзов. – Это заказ. Я его вмонтировал, втиснул в фильм. Но такое было когда-то.

– Здесь он не нужен, – делает строгий вывод Распутин. – Он чужой.

Приуныв от неожиданных и важных замечаний Валентина Григорьевича, я сразу расхотел вступать в обсуждение, тем более что фильм мне понравился своей как гражданской озабоченностью, так и поэтикой, к тому же автор в такие минуты нуждался в поддержке.

– Авторский текст озвучивать надо было не актёру, а тебе самому, – продолжал спокойно и уверенно рецензировать фильм Распутин. – Ударение на слове “скиты” неправильно сделано. Старика, директора аэропорта и его жену я узнал. Мы встречались. Не нужно, чтобы часто появлялись в картине красивые бурёнки...
– Фильмы, режиссура, конечно, – не моя стихия, – хладнокровно отозвался на замечания Хайрюзов. – Когда шла работа, то осознавал, как трудно делать фильм. Сейчас сам вижу, как много шаманства. Я вставил, чтобы разбавить сюжет, казаков...
– А вообще ты – молодец, хороший фильм сделал, – заключил Распутин. – О Байкале можно сотни картин снимать, и все они будут разные, как само озеро. Мне показалось, что это фильм-предчувствие какой-то беды, которую нужно остановить, а человечество к спасению не готово. Фильм – вроде как пророчество...
222

При этих тёплых словах Распутина я понял, что зря переживал за серьёзный характер обсуждения; у двух сибирских писателей, сидящих передо мной, давно сложились такие дружеские, доверительные отношения, что они считали обязательным говорить правду. И только в таком случае они понимали друг друга.

— Всякий раз, встречаясь с Байкалом, вы не поверите, я испытываю какое-то необычное ощущение, будто озеро связывает меня с космосом, — делится сокровенными мыслями Хайрюзов.

— Так ты же лётчик! — поддерживает его Распутин. — Тут как раз и твои ощущения, и все редкие природные явления на озере — все они, может быть, обусловлены энергопотоками из космоса?!

— В разное время, находясь на одном месте, я не узнаю Байкал, он задаёт вопросы: чем вызвано фотосвечение вод? Как живёт главный чистильщик озера — вислоногий рачок эпишура? Кто и каким образом причудливо изогнул реликтовые листовницы?

— Придётся ещё один фильм снимать.

— Мне уже в этой кинокартине хотелось увидеть и небо над Байкалом, затянутое волнистыми облаками, и скалистые островки, и свечение вод, но задача была — заставить человека подумать о будущем Байкала.

Этот разговор не мог не расшевелить и меня, эколога, одного из авторов закона об охране озера Байкал. Тем более, Светлана Ивановна успела в эти минуты добавить к закускам горячее блюдо с мясом, с шикарным рулетом. Валентин Григорьевич откупорил бутылку коньяка и разлил по бокалам.

По предложению Распутина, мы выпили за встречу и продолжили начатую беседу о Байкале.

— Я, как и вы, поражаюсь его биологическому многообразию, природной неповторимости, — вступил в разговор я. — Только показывать красоты озера сегодня — это для художников, но не для писателя, публициста, политика, общественного деятеля. Меня коллеги-экологи неустанно снабжают тревожной информацией. Сорок лет вблизи берега Байкала находится склад древесной коры. Сотни тысяч кубометров влажных отходов гниют и вместе со сточными водами попадают в озеро. Кроме гибельного ЦБК, на озере и его притоках работают сотни предприятий, отходы которых также попадают в озеро. Бытовые стоки незаконных строений на побережье стали едва ли не самой основной опасностью для чистоты Байкала. Буквально за несколько дней экологи обнаружили около 600 строений на его берегу. Согласен с вами: Байкал — явление космического масштаба. Сегодня он и геополитика, и футурология, и культура. Говорят, во время осенних ветров и страшных бурь волны его поднимаются на шесть метров!

— То правда, — кивает Распутин. — Байкал непредсказуем.

— Вот и человек непредсказуем, — сокрушаюсь я. — Говорит о любви к Байкалу, а по сути добывает его. Поймать осетра, который полвека назад здесь водился вместе с омулем и сигом, уже невозможно, это из области фантастики. А мы, здравые люди, надеемся уже не на собственные силы, а на чудо... Вот придёт добрый дядя и выгонит с этой земли хищников, которые присосались к богатому озеру-море. Хотя зарубежные специалисты, особенно из Америки, уже повадились ездить сюда, шпионить, вести с помощью американского космического челнока "Шаттл" дистанционное зондирование и радарную съёмку, то есть выведывают информацию о природных ресурсах региона, в том числе Бурятии, где их, кстати, и задержали с двумя спецприборами для определения с высокой точностью координат на местности. Было возбуждено уголовное дело. Американцы отреклись от аппаратуры и быстро сбежали.

Беспокойство за Байкал, его беды и беззащитность затягивали нас в долгий разговор. Как всегда, Распутин восхищал меня своими знаниями, поражал его острый, патриархальный склад ума, напитанный сибирской почвой, от которой он никогда не отрывался. Он с детским любопытством вещал нам историю древних мифов, сложившихся на байкальском острове Ольхон, разъяснял археологические находки, сделанные на полуострове Хорин-Ингри и напоминающие череп медведя, звал посетить озеро Нуку-Нур, приоткрывшиеся в скальной воронке. Порой его суждения и оценки напоминали речь крупного учёного. Кто, как не знатный академик, мог так дотошно и точно поведать нам о малоизвестных обитателях Байкала — полупрозрачной голомянке

и бычке-желтокрылке, о сказочно красивых рачках-бокоплавах. Их там насчитывается, оказывается, 255 видов – треть всех видов из пресных озёр мира. Если Валерий Хайрюзов знал про существование одного веслоногого рачка-эпишуры, благодаря которому прозрачность воды составляет сорок метров, то Распутин “рассекречивал” жизнь десятка рачков, всяких моллюсков, новых видов водорослей типа циклохена и урагина вольвакса. Я попытался сказать несколько слов о пагубной роли известных водорослей-спирогиры, но писатель махнул рукой, мол, эта информация устаревшая. Зато он сам поведал о том, что многие неизвестные водоросли Байкала значительно крупнее тех, что живут в мировых водоёмах с пресной водой, и происходит сей рост за счёт низкой температуры воды.

Спас наше сообщество защитников Байкала от научно-познавательных рассуждений неожиданный возглас Владимира Скифа, предложившего выпить за мать-природу. . .

– Предлагаю тост, в первую очередь, за Байкал, – громко выпалил он, всем видом показывая, что пора менять тему дискуссии.

– А во вторую очередь? – переспросил, улыбнувшись, Хайрюзов.

– За русский лес! Зря, что ли, его защищает Грешневиков?!

Мы выпили, закусили и стали говорить ни о чём, так – о всяких житейских делах. Кто поругал кинозвезд, десятки раз выходящих замуж. А кто покосоружался ростом коррупции в стране. Когда пришла очередь для третьего тоста, то я решил поднять здравицу за хозяина. Но только моя рука потянулась к бутылке, как Валентин Григорьевич перехватил её и сказал:

– Давай лучше я сам тебе налью.

Тут я вспомнил зачем-то глупую присказку:

– Хорошо, наливайте. Из ваших рук, как говорят у нас ярославцы, при-му даже яд.

Но Распутин и не удивился, и не возмутился сказанному. Лишь добавил:

– Везде так говорят. У нас в Сибири тоже. И на посшок наливают, и стремленную подают. В общем, как у всех.

Тост за Распутину, который хранит верность традициям русской классической литературы, я поднял, встав из-за стола. Сказал несколько добрых слов о том, что для меня и для народа в целом он давно является символом русской национальной литературы, он смело и неуклонно идёт навстречу трудным жизненным вопросам, чем всех удивляет, а в героях его чудных книг светится правда народной жизни. От чтения возникает ощущение боли за многострадальную Россию. Не каждому писателю дано погружаться в правду народного характера, выкованного веками нашими предками, передать колоссальное богатство душевного мира простого русского человека, а Распутину Бог дал такой дар. И он его не растрчивает впустую. Его повести и рассказы побуждают размышлять о роли человека в делах общества. И я живу в ожидании, сможет ли этот человек-читатель уловить импульсы национального русского сознания, посылаемые Распутиным. Ещё мне нравится его скромность и в то же время его редкая открытость, готовность помогать людям. Мы только что с Бабуриным говорили, сколь много доброго сделал Валентин Григорьевич. В этой связи можно пожелать такому русскому богатырю только одного – долгих лет жизни и творчества.

Вслед моему тосту похвальные слова в адрес хозяина сказал и Валерий Хайрюзов. Он вспомнил, как они ходили вместе за грибами, набивали объёмистые горбовики спелой жимолостью, как Валентин Григорьевич вскапывал грядки у себя в огороде и сажал огурцы с картошкой, как угощал деревенским молоком.

Чтобы в дальнейшем не вести ничего не значащие бытовые разговоры, я решил спросить мнение Распутину о только что просмотренном на телевидении фильме “Остров”. Попал в точку. Писатель его смотрел, у него сложилось о нём неординарное впечатление. Моё отношение к фильму было самое противоречивое, что не давало возможности сказать даже самому себе, он хорош или плох. Сделать правильный и однозначный вывод мешали крайности. С одной стороны, режиссёр Лунгин призывает задуматься о вечном, о грехе, о душе, которая в мире погони за деньгами и житейскими благами подвержена невероятным испытаниям. С другой стороны, и в монастыре жизнь идёт таким чередом, что о вере и чистоте помыслов мало кто беспокоится. Не зря настоятель этого монастыря отец Филарет даёт совет освободиться “от всего

наносного, от ненужных привязанностей”. Такой совет настораживает. Что может быть наносным в строгом следовании заповедям Божиим? О каких “ненужных привязанностях” идёт речь, если распорядок и жизнь монахов сотканы из постоянного молитвенного служения?! Фильм не даёт однозначных смысловых ответов. Видно лишь, что монахи частенько враждуют и грешат. А история Православия знает пример того, как освобождение “от всего наносного, от ненужных привязанностей” привело к трагическому церковному расколу. Реформатор-западник Никон и старовер-русофил Аввакум не пожелали тогда отказаться от собственных “привязанностей”, и по великой России прокатилась гражданская война.

Мои сомнения не развеялись, а наоборот – укрепились после того, как кинодрама “Остров” режиссёра Павла Лунгина получила премию России “Ника”. Ранее фильм завоевал Гран-при фестиваля “Московская премьера”. Ещё картина была удостоена российской кинопремии “Золотой орёл” в номинациях “Лучший фильм года”, лучшие сценарий, режиссёрская и операторская работа, лучшие мужские роли первого и второго плана.

Распутин легко и разом развеял все мои сомнения. Дискуссия о фильме Павла Лунгина “Остров” даже не получилась.

– Дьявол, как известно, живёт в деталях, – сказал Валентин Григорьевич. – Почему фильм мне не понравился? Во многих деталях режиссёр неточен, мягко говоря. Много в фильме нежизненно. В монастыре по-другому живут, там другие отношения... Настоятель не пойдёт к монаху. Режиссёр же живописует эту сцену. Есть некая субординация, скажем так. Есть строгость. Но нет грубости такой, как в фильме. Монахи зачем-то рисуются.

– Мой отзыв ещё хуже, – вклинила своё слова в нашу беседу Светлана Ивановна. – Фильм вообще не понравился.

– Одно вранье в деталях. Зачем монах, например, сапоги сжёт?! Зачем монах непродуманно направляет женщину ехать во Францию искать мужа? А вдруг бы та поехала!

– Какую же задачу выполнял режиссёр?

– Мне это самому непонятно. Знаю одно: и писатель, и режиссёр должны возвышать душу человека, звать его к высоким нравственным и духовным высотам. Без стремления писателя и режиссёра дать герою возможность стать человеком, взять нравственную высоту – без этого нет ни культуры, ни искусства. Ещё Лев Толстой в статье “Что такое искусство?” писал: “Безнравственность в искусстве – это всё равно, что развратная женщина”. Что тут скажешь?..

– Правильно сказал Шукшин: “Нравственность есть правда”, – заметил я. – Но некоторые правильные вещи и в “Острове” звучат. В одном эпизоде речь идёт о православной аскезе – тема для нынешнего времени, когда на пути к духовному возрождению страны столь много препятствий, очень злободневная. Но именно это многими православными иерархами в штыки воспринимается.

– Конечно, ты прав, говоря о православном аскетическом образе жизни, – живо согласился Распутин. – Это надо осуждать, особенно барство. Я тут из телепередачи узнал, что Потанин за три миллиона долларов пригласил на свою вечеринку какого-то певца. Это правда?

– Не слышал. Могу узнать.

– Ни к чему. Я благодарен и ему, и тебе за помощь в строительстве нашего храма.

– Достроили?

– Да.

– У Потанина много интересных проектов по книгоизданию, поддержке провинциальных музеев, театров, университетов. По его предложению мне, кстати, доводится ездить по регионам и вручать потанинские стипендии лучшим студентам. В отличие от Абрамовичей и Ходорковских, он тратит значительные средства на русскую культуру. Хотя есть и загадки, недоразумения. Недавно его заставили за бешеные деньги купить “Чёрный квадрат” Малевича. Позорная, конечно, сделка. Точно известно только одно – то, что совершена по рекомендации свыше... Со своим напарником, возившим девочек в Куршавель, он, как известно, расстался. Загадочная, в общем, личность.

– Что нового в Думе? – задаёт Распутин неожиданный вопрос, переводя разговор в иную плоскость.

Под обсуждением фильма “Остров” была поставлена точка. Вопросы, на которые я ждал ответов, были разрешены. Отношение к режиссёру Лунгину с того дня у меня стало настороженным, недоверчивым. Присматриваясь к его творчеству в дальнейшем, я понял и правоту Распутина, и своё противоречивое к нему отношение. Режиссёр оказался конъюнктурщиком, русофобом, идейным фальсификатором истории и, к сожалению, талантливым. Почему идейным? А потому, что ведёт недостойными и лживыми фактами войну против правильной идеи, подменяет настоящую идею фальшивой. Таким насквозь лживым вышел его фильм про царя Ивана Грозного.

— В Думе царит тоска, — отвечаю я писателю. — Многие депутаты не ходят на работу. Пришли к нам на днях сотрудники строительных организаций, жалуются на коррупцию, говорят, что если раньше в год строили двенадцать домов, теперь — три. Строить мешают законы. Про грабительский Лесной кодекс и говорить не приходится. Все мои выступления в защиту леса — как мёртвому припарка. Не хотят возвращать управление лесами с нищих регионов на федеральный уровень. Хозяином в лесу как был не лесник, а арендатор-хищник, так и остался. Я передавал вам свой недавний доклад, где констатировал, что лес впервые в нашей стране стал убыточен. Туго идут дела с поправкой в закон об охранной зоне Байкала.

— Со скрежетом, — дополняет меня Хайрюзов. — Я вижу, когда бываю в Думе, с каким скрежетом идут хорошие поправки. Даже вокруг Байкала не могут найти компромисса...

Светлана Ивановна принесла с кухни чайник, разлила густую ароматную заварку по чашкам. Предложила попробовать мороженое. Но я скромно отказался, хотя мороженое люблю.

— А помнишь, Валентин, каким чаем с моршочкой ты угощал меня на своей даче?! — глубокомысленно задаёт вопрос Хайрюзов.

Распутин согласно кивает, широко улыбается.

— А меня Анатолий Онегов научил заваривать травяной чай, — вспоминаю я. — В основе заварки — кипрей, потом несколько щепоток зверобоя, мяты, ромашки.

— Онегова знаю, тонкий писатель, — даёт Распутин положительную характеристику моему давнему учителю, писателю-натуралисту, давно поселившемуся в моих родных борисоглебских краях, в деревне Гора Сипягина. — О природе он раньше хорошо писал.

— Он и сейчас пишет — о жизни пчёл, о лекарственных растениях.

— Я тут с удовольствием перечитывал страницы из книги Солоухина “Травы”, — признаётся Распутин.

— Это из того собрания сочинений, что я вам подарил? — спрашиваю я.

— Да-да. Шикарное собрание сочинений. Это ты сделал великое дело, что пробил солоухинское собрание. Толя Заболоцкий говорил, что вы с ним и памятную доску Солоухину на его доме водрузили. Правда, с трудом.

— Заболоцкий подсчитал — семнадцать лет вешали эту доску. Ганичев мешал...

— Знаю-знаю, но не будем трогать Ганичева. Он своими делами пусть занимается.

— Но вы же знаете, что Заболоцкий вновь собрался уходить из Союза писателей в знак протеста против Ганичева.

— Я его отговорил. Ганичев нужен сейчас. Мы с тобой говорили на эту тему. Пока он председатель, вхож к нашему Патриарху, дом писателей на Комсомольской у нас не отберут. А за Солоухина всё же тебе огромное спасибо. Много добрых дел ты сделал.

— Да что вы, Валентин Григорьевич! — махнул рукой я. — Мне за вами не угнаться. Мои дела против ваших мало что значат.

— Ну, не говори так.

Я с гордостью стал перечислять по памяти известные мне подвижнические дела писателя, активное участие его в делах государственной важности — открытие музея Православной культуры и Преподобного Сергия Радонежского; направление в 1987 году письма в Политбюро о передаче, вопреки указаниям Яковлева, Церкви разрушенной Оптиной пустыни; защита газеты “Сельская жизнь”; поддержка видеофильма молодого режиссёра Сергея Зайцева “Погибли за Францию” — об экспедиционном корпусе русских, отправленных в Первую мировую войну на спасение Франции; спасение дубов и усадьбы

Толстого “Ясная Поляна”; поездка на чеченскую войну в составе агитбатальона и получение медали “За укрепление боевого содружества”. А сколько русских талантливым писателям Валентин Распутин дал путёвку в жизнь, поддержал и надёжным словом, и напутственным предисловием! К примеру, дружеские вступительные слова были написаны к двухтомнику сибирского поэта Михаила Вишнякова, к книге литературного критика Валентина Курбатова “Подорожник”, к роману Юнуса Чуяко “Сказание о железном Волке”, вышедшему в Майкопе...

Владимир Скиф не дал мне продолжить перечисление тех книг, предисловие к которым написал Распутин, давая тем самым им высокий знак качества.

– Нельзя ли мне раздобыть собрание сочинений Солоухина? – попросил он, услышав о подаренных книгах.

– Пишите адрес, я вам вышлю, – пообещал я.

– Вот спасибо-то!

Хайрюзов отвлёк уже самого Распутина. В Иркутске готовился сборник местных писателей о городе, составителем которого он был сам, потому пришлось просить Распутина дать ему тоже какой-нибудь материал.

– У меня ничего нет, – скромно отозвался Валентин Григорьевич.

– Дайте отрывок из только что вышедшей книги “Сибирь, Сибирь...”, – наседали с уговорами Хайрюзов.

– Отбери сам, что понравится...

– Давно не общался с Валентиной Сидоренко? Что с ней происходит, не могу понять, я ей про книгу, а она давай всех критиковать...

– Груба она. Плохо себя ведёт... Со мной месяц не здороваются. Но она талантлива, читаема. Правда, грубость и злость переходят и в творчество, а это надоедает.

Они продолжили разговор о книге про Иркутск. Мешать не хотелось, и я стал вспоминать, каких деятелей культуры и искусства поддержал в трудную минуту своим авторитетом Распутин, либо не давая им уйти в забвение, либо спасая их от чиновничьего произвола.

Сразу на память пришли статьи Распутина о творчестве как известных писателей и поэтов, таких, как Василий Белов, Сергей Залыгин, Семён Шуртаков, так и мало раскрытых, но не менее оттого талантливых, к примеру, Виктора Будакова или Николая Зиновьева. Повсюду Распутин отмечает в своих собратях по перу одну дорогую для него характеристику – народность, то есть следование народным отечественным традициям. О книгах Сергея Залыгина он так размышляет: “В них Залыгин не просто художник, каким полагается быть любому писателю, а художник мысли. Притом мысли народной, вникающей в коренные вопросы бытия. Его герои, мужики, много философствуют и делают это настолько умно, естественно и увлекательно, что мысль, перекликаясь и подхватываясь, в сюжетном своём движении получает собственную драматургию, которой нельзя не отдаться всем сердцем. Пожалуй, никто до Залыгина не писал у нас с таким знанием дела о народной организации дела”. И к Шуртакову он подходит с той же мерой ответственности: “Все книги Семёна Шуртакова удивительно добры той негромкой и неяркой добротой, которой, по его убеждению, светится сердце народное”.

Книги коллег Распутин не ставит на дальнюю полку, в надежде когда-нибудь прочесть, а читает сразу. Таковы и воспитание, и коренная суть дружбы. Писателю Виктору Будакову, подарившему ему свою новую книгу, он пишет: “Твоя “Честь имею...”, надеюсь, проживёт во мне не месяцы, а годы и годы”. На поддержку друзей у него находятся и время, и средства, и здоровье. Он едет в Минск поддержать поэта Владимира Некляева, на Кубань – высказать слова восхищения дирижёру казачьего хора Виктору Захарченко, в Белгород – презентовать любимый журнал “Наш современник”. Он всю жизнь помнит, что сибиряк, что корни у него деревенские, и потому изо дня в день, из года в год думает, как прославить малую родину, что полезного сделать для неё: открывает Дни русской духовности и культуры “Сияние России”, патронирует Всероссийский театральный фестиваль имени Александра Вампилова, помогает Общественному фонду “Возрождение Тобольска”, добивается увековечивания памяти известного журналиста и издателя Геннадия Сапронова, выпустившего в свет в Иркутске массу книг и подарившего широкому российскому читателю произведения Астафьева, Вампилова, Распутина, Курбатова и т. д.

Чувство родины для Распутина – самое сокровенное и дорогое. Понимание важности возрождения народного характера, народных промыслов, народных традиций стало важной составляющей его многогранной творческой деятельности. Только такие народники-почвенники, как Распутин, отложат все дела и бросятся поддерживать и сочинять гимн народным мастерам. Мне надолго врезалась в память статья Распутина “Берестяная Русь Евгения Ушакова”, опубликованная в нашей “Парламентской газете”. Одно дело – полюбоваться, к примеру, историческими картинами и панно из берёсты, другое дело – оценить глубину народных традиций и праведность заповедного мира народного умельца: мир этот рушится на глазах, но его ещё можно спасти. Распутин выступает спасителем. Он пишет: “Издавна считалось, что тот, кто работает с деревом, – будь то плотник, столяр или мастер в народном промысле – человек добрый, мягкий, напитавшийся преображённым солнышком от материала своей работы. Это же качество, если судить по Евгению Ушакову, надо переносить и на художника, который “пишет” кусочками берёсты, складывая из них “картину”. Берёста сама по себе, от одного прикосновения к ней вызывает чувство сродни ласке, точно ты прикасаешься к коже живого существа. Ушаков, проживший немалую жизнь, прошедший войну, испытавший невзгоды, улыбчив, спокоен, талантлив, ладен и внутренне, и внешне, так и кажется, что это от дружбы с нею, с берёстой, с берёзками”.

– Когда вы всё успеваете? – спрашиваю я Валентина Григорьевича, закончившего беседу с Хайрюзовым.

– Разве всё успеть?! – слышу уклончивый ответ. – Много чего не успеваю сделать. Раньше не пропускал концерты ни Георгия Свиридова, ни Владимира Федосеева, сейчас до Малого театра не доберусь.

– Так я и поверил. Любите вы наговаривать на себя. Только что нас с Бабуриным напрягали, чтобы мы обязали правительство достойно встретить юбилей Гоголя.

– Святое дело. Нельзя замотать подготовку к празднованию.

За окном квартиры Валентина Распутина уже вовсю гуляла свирепая зимняя ночь. С подписанными книгами писателя я, счастливый и довольный, шёл бок о бок с Валерием Хайрюзовым по московским дворам и улицам к ближайшему метро.

– Скажи честно, как тебе мой фильм, понравился? – спросил он неожиданно.

– Тема человека и природы раскрыта у тебя удачно, талантливо. Можешь не переживать. И шаманы-буддисты к месту там, их чувство природы вызывает доверие. И за Байкал ты вступился вовремя. Тут Распутин прав. Я вообще иду вот, а сам под впечатлением от встречи с этим великим тружеником. Посмотри, насколько он русский во всём – и творец, и хранитель, и боец, и созидатель. Один человек, а ведь на всё его хватает.

Спустя год в газете “Известия” была опубликована статья “Мы должны мыслить по-русски”, подписанная Игорем Золотусским, Василием Ливановым, Валентином Распутиным и Саввой Ямщиковым. Все они были членами оргкомитета по подготовке и проведению празднования 200-летия со дня рождения Н. В. Гоголя. Для меня эта публикация стала и напоминанием об обещании Валентину Распутину. И сигналом к действию.

Прочитав статью несколько раз, я догадался, что над её содержанием крепко поработал сам Распутин. В каждом абзаце чувствовалась его смелая, уверенная правота и наступательность. Некоторые предложения хотелось зачитать вслух тому, кому они были адресованы, – Владимиру Путину.

“В своём письме президенту (ответом на которое и стал указ о праздновании юбилея Гоголя) мы просили о помощи в устройении двух вещей: в создании музея Гоголя и восстановлении первоначального облика его захоронения. На могиле Гоголя в Свято-Даниловом монастыре на “голгофе” стоял бронзовый крест. Когда прах Гоголя в 1931 году перенесли на Новодевичье кладбище, исчезли и крест, и “голгофа”. А в 1952 году на их месте вырос бюст Гоголя работы лауреата пяти Сталинских премий Н. Томского, укрепленный на колонне с надписью золотыми буквами: “Великому русскому художнику слова от Советского правительства”. Советского правительства давно нет, а памятник этот до сих пор стоит, попирая завещание покойного, в котором сказано: “Завещаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять

о таком пустяке, христианина недостойном”. Завещание это может прочесть любой читатель в книге Гоголя “Выбранные места из переписки с друзьями”.

Гоголь был человеком искренне верующим, и над его могилой должен стоять крест. И это будет не нововведение, а восстановление исторической справедливости. В Министерстве культуры РФ также считают, что могила Гоголя должна обрести первоначальный облик. Поддержала это мнение и комиссия по сохранению культурного и духовного наследия при Общественной палате РФ (глава комиссии – митрополит Калужский и Боровский Климент). Но тут восстало Москомнаследие (руководитель – Г. Шевчук). Оно твёрдо резюмировало: памятник Н. Томского – “объект культурного наследия”, и его нельзя сносить. Но мы ведём речь не о сносе памятника, а о его переносе в любое достойное место столицы и о выполнении воли Гоголя.

Впрочем, чиновникам в Москве и Санкт-Петербурге нет дела до этой воли. Для них закон – их своеволие и безнаказанность перед лицом надругательства над памятью гения русской литературы. Комитет по культуре г. Москвы считает, что Гоголю достаточно двух мемориальных комнат при городской библиотеке № 2, находящейся в доме, где он жил и скончался, а Петербург, вторая древняя столица, ещё более суров. Председатель комитета Санкт-Петербурга цинично отвечает: список желающих иметь музеи в городе Петра велик, и Гоголь не значится в этом списке.

Что сказать об этих оппонентах Гоголя? Поистине это “беспачпортные бродяги в человечестве”, как называл таких деятелей Белинский.

...Стыдно, что никто из нынешней культурной “элиты”, самой присвоившей себе это звание, и слова не скажет о посмертной судьбе Гоголя. Ни госпожа Волчек, ни господин Табаков, ни господи Фокин, Захаров, Сокуров и Пиотровский. Ни руководители творческих союзов Ганичев, Сидоров и Михалков. Можно, не преувеличивая, сказать: за год до юбилея Гоголя юбилей провален. Будет шум вокруг его имени, будут пляски и фейерверки, но всё тут же испарится, как растворяется в воздухе любой, даже громкий шум.

Не будут учреждены гоголевские стипендии для студентов гуманитарных вузов.

Не будет издана летопись жизни и творчества Гоголя.

Не будет выпущено для массового читателя полное собрание его сочинений.

Не будет музея.

Не будет возвращён первоначальный облик могиле Гоголя.

Зато варварски на наших глазах уничтожена усадьба “Абрамцево”, столь же важная в судьбе Гоголя, как Украина, Петербург, Москва и Рим. При вступлении в должность её новый директор заявил сотрудникам, что и сам дух мракобеса Гоголя будет изжит из Абрамцева.

Стоит поблагодарить за это чиновников и ту свободу без границ, которая привела страну великой культуры к духовному унижению”.

Только Распутину с его русским духом и русским характером было по силам бросить вызов власти, упрекнув их в духовной нищете, и вывести в письме такую трагическую концовку.

Я сразу откликнулся на эту статью. Депутатские запросы ушли и в правительство, и в Генеральную прокуратуру с требованием выполнить всю намеченную программу празднования юбилея Николая Гоголя, а в усадьбе “Абрамцево” навести должный порядок, рассмотрев при этом вопрос об увольнении глупого директора.

В запросе Владимиру Путину говорилось:

“Представители культурной общественности страны озабочены ситуацией, складывающейся в связи с предстоящим празднованием 200-летнего юбилея Н. В. Гоголя, особенно обращая внимание на то, что, при кажущейся насыщенности мероприятий, планируемых к юбилею, без должного внимания остались одни из ключевых вопросов, связанных с увековечиванием памяти писателя. Речь идёт, прежде всего, о создании музея Н. В. Гоголя, восстановлении первоначального облика его захоронения, судьбе усадьбы “Абрамцево”, где жил и творил великий русский писатель.

Чиновники различного уровня фактически “заматывают” решение этих вопросов, выдвигая надуманные причины. В частности, Москомнаследия стоит на позиции сохранения на могиле Н. В. Гоголя существующего памятника, причисляя его к объектам культурного наследия. Комитет по культуре Москвы

противится созданию музея, мотивируя тем, что, дескать, в столице и так есть две мемориальные комнаты писателя при библиотеке, находящейся в доме, где он жил и умер. Усадьба “Абрамцево” вообще скоро оставит о себе только воспоминания.

Замечу, что всё это происходит при том, что сами члены оргкомитета по подготовке и проведению празднования юбилея И. Золотусский, В. Ливанов, В. Распутин, С. Ямщиков категорически возражают против такого подхода. Однако их голос не слышен. Свою позицию они изложили в открытом письме к Вам, опубликованном в газете “Известия”, однако ситуация кардинально не изменилась. Непонятно, по какой причине столь важное событие фактически отдано на откуп чиновничеству, которое свою точку зрения считает единственно верной?!

Н. В. Гоголь был не только великим писателем, но и великим патриотом. Именно поэтому, не теряя времени, необходимо решить все деликатные вопросы, связанные с празднованием, необходимо учесть при этом и позицию упомянутых выше членов оргкомитета. Поэтому прошу Вашего внимания к обозначенной проблеме с тем, чтобы она была решена”.

Вместо председателя правительства Владимира Путина мне ответила заместитель министра культуры России А. А. Голутва.

“В соответствии с письмом Аппарата Правительства Российской Федерации, – пишет она, – Минкультуры рассмотрело Ваше обращение относительно подготовки к празднованию 200-летия со дня рождения Н. В. Гоголя и сообщает следующее.

Идея создания первого в России музейного комплекса, объединяющего мемориальные комнаты Н. В. Гоголя и посвящённые ему экспозиционные помещения на базе Московской центральной государственной библиотеки мемориального центра “Дом Гоголя”, инициирована правительством Москвы и поддержана учёными-гоголеведами, литературной и музейной общественностью России.

Концепция создания данного государственного учреждения культуры города Москвы рассмотрена и одобрена с учётом состоявшегося обсуждения в Минкультуры России на втором заседании оргкомитета по подготовке и проведению празднования 200-летия со дня рождения Н. В. Гоголя.

В настоящее время правительством Москвы прорабатывается вопрос о переезде библиотеки в здание № 7 по Никитскому бульвару, которое сейчас освобождают арендующие его предприятия. В здании № 7а, где Н. В. Гоголь провел последние годы и где находятся мемориальные комнаты писателя, будут воссозданы интерьеры XIX века.

По вопросу об изменении внешнего облика захоронения Н. В. Гоголя на Новодевичьем кладбище в Москве Минкультуры России поддерживает позицию Московской Патриархии: “восстановление первоначального облика захоронения Н. В. Гоголя видится заслуживающим поддержки”.

Могила Н. В. Гоголя, включая надгробную композицию, постановлением Совета министров РСФСР от 30 августа 1960 года отнесена к числу памятников истории и культуры государственного значения и в соответствии с Федеральным законом № 73-ФЗ от 25 июня 2002 года включена в Единый государственный реестр объектов культурного наследия в качестве памятника федерального значения.

Вопросы создания музейной экспозиции в Гоголевском центре и изменения внешнего облика захоронения Н. В. Гоголя на Новодевичьем кладбище в Москве стали предметом обсуждения на межведомственном совещании в правительстве Москвы, в ходе которого была достигнута договоренность о дальнейших действиях по подготовке празднования юбилея писателя”.

Подошла праздничная дата, и в Москве был открыт долгожданный музей “Дом Гоголя”. На могиле писателя, на чёрном пьедестале, появился православный бронзовый крест.

– Знаешь, кто и что помогло нам достойно встретить 200-летие Гоголя и вернуть его месту захоронения первоначальный вид? – спросил меня при встрече Валентин Распутин.

– Решительность ваша и ваших единомышленников, – сказал я.

– Гоголь нам всем помог. В его завещании, которое вложено в уста главного героя замечательного произведения “Тарас Бульба”, говорится, что нет ничего святее в мире, чем Родина, братство и товарищество.

ПОСКОЛЬКУ ЖИВА СОВЕСТЬ

Трудно себе представить, возможно ли более грозное обвинение по адресу собственного государственного телевидения, чем то, которое предъявил обществу крупный учёный-физик, профессор Сергей Петрович Капица, назвав его преступной организацией?! Когда мы, депутаты Государственной Думы России, обсуждали законопроект “О высшем совете по этике и нравственности” для того, чтобы средства массовой информации работали в рамках закона, морали и устоявшихся традиций в обществе, я привёл слова Капицы и с ходу получил от журналистов и некоторых либерально настроенных политиков массу возмущённых криков и вопросов:

- Кто такой Капица, чтобы учить журналистов?!
- Он один такой. Цензура не пройдёт!
- Да за такие обвинения его под суд следует отдать!
- Что он понимает в телевидении?
- Кто разделяет его мнение? Да никто. Все понимают: какое общество, такое и телевидение.

Прежде чем дать ответ, я каждому спорщику и возмутителю зачитывал тираду Сергея Капицы:

“Наше телевидение находится в глубокой яме! Я бы назвал его преступной организацией, потому что такого разложения, которое оно практикует в обществе, я не видел на экранах никогда и нигде”.

– Я не думаю, что это обвинение брошено в пустоту, и общество не слышит известнейшего в мире учёного, доктора наук, не поддерживает его, – пытался я сокрушить оппонентов важными аргументами. – Ещё как поддерживает! Капица – не сторонний человек на телевидении, он легендарный ведущий программы “Очевидное-невероятное”. Ему ли не знать, как СМИ намеренно превращают страну в дебилов?! По крайней мере, я слышу и поддерживаю его справедливое возмущение. Поддерживает такую резкую позицию и наш писатель-классик Валентин Григорьевич Распутин. Недавно он, выступая на Всемирном русском соборе, сказал, что мы живём в оккупированной стране, и одним из признаков этого, безусловно, является преступное телевидение.

На меня ещё больше обрушился град злобной критики. В агрессивной и крикливой дискуссии невозможно было вставить слово. Одни уповали на то, что Распутин – человек высокой нравственной культуры и сказать такое не мог. Другие называли писателя ханжой и ретроградом. А третьи говорили, что писатель злится из-за того, что его мало показывают. Однако многие сходились в одном: более сурового приговора телевидению, которое вынес Капица, трудно себе представить, даже если он субъективный и высказанный сгоряча. Я долго терпел и выжидал. И как только наступило молчание, зачитал вердикт Валентина Распутина.

“Более грязного и преступного телевидения в мире не существует и не может существовать, ибо не находится больше желающих за государственный счёт содержать огромную, хорошо вооружённую армию легальной организованной преступности, денно и ночно занятую нравственной и культурной стерилизацией народа. Результаты наяву: всё меньше, к несказанной радости исполнителей, пахнет русским духом, духом культурного человека, всё меньше Россия похожа на себя”.

Спор вокруг позиции писателя Распутина продолжался в горячей форме, с обвинениями и требованиями примеров, доказательств. Мне ничего не оставалось делать, как активно участвовать в нём. Отступить я не привык, а аргументов было хоть отбавляй. К тому же и спор хотелось выиграть, утерев нос журналистам-всезнайкам.

Добившись от меня, что я против цензуры, журналисты благосклонно дали возможность выразить в тишине свою позицию. А начал я наступление на телевидение с того, что на его экранах “висят” и выступают одни и те же люди, несведущие, некомпетентные, неспособные нести в народ знания и культуру. У них собственное представление о русской культуре, искусстве, литературе, зачастую ангажированное, лживое, вредное. Хотя беда не столько в этом, сколько в том, что других людей из сферы культуры на экраны телевидения не пускают. Телеэфир забит ненавистными нашему обществу Швидкими, Сванидзе, Познерами, Ургантами, Ерофеевыми. И не надо сыпать обвинения в антисемитизме. Протест вызывает тот факт, что шоумен Швидкой

выпускает передачи в рамках “Культурной революции”, которые шокируют бесстыдством, экстремизмом, откровенной русофобией, расшатыванием моральных устоев. Одни его названия говорят сами за себя: он большой и опасный провокатор, а его передачи преступны: “Пушкин — устарел?”, “Музеи — кладбище культуры”, “Быть нищим позорно”, “Русский язык без мата немислим”, “Русский фашизм страшнее немецкого”. Наши русские подвижники Василий Белов, Валентин Распутин, Владимир Гостюхин, Савва Ямщиков терпели-терпели Швыдких и Познеров, занимающихся политическими диверсиями и борьбой с государственными устоями России, и обратились к народу, опубликовав статью “Телевидение, ты чьё?” с призывом остановить их. Но правительство, как всегда, пустило всё на самотёк.

Второй мой аргумент касался отсутствия на телевидении русских программ с русскими деятелями культуры. Зритель не видит своих кумиров, не только писателей Белова, Крупина, Лихоносова, Личутина, Куняева, Бондарева, но и художников, композиторов, актёров, скульпторов. Ни разу не показали на государственных телеканалах концерты ни Сибирского народного хора, ни оркестра русских народных инструментов, ни певцов Бориса Штокколова, Татьяну Петрову, Евгению Смольянинову, Жанну Бичевскую. Про культуру малых народов вообще забыли.

Сознательная политика замалчивания выстроена, кстати, и в отношении самого Валентина Григорьевича Распутина. Началась подковёрная борьба с ним ещё до того, как он и физик Капица назвали телевидение преступным. Озвучено было лишь его предупреждение, что на государственных телеканалах идёт необузданное и невиданное нигде в мире развращение молодёжи и дебилизация населения. Да, слова резкие. Но если не ему, писателю с мировой славой, эту правду заявить, тогда кому?! Кто поверит безвестным и неавторитетным? Писатель сокрушается и по поводу того, что книга перестаёт быть в некогда самой читающей стране мира учителем жизни, она превращается в товар, и значение её заметно падает. Против такого вывода никто не протестовал. Но стоило затронуть телевидение, как Распутину была объявлена чуть ли не война. Продажные журналисты опустелись до того, что в его юбилей не продемонстрировали ни фильма о писателе, ни одной из кинокартин, снятых по его произведениям. Это был вызов, и не столько самому писателю, сколько всей современной русской литературе, знаменем которой был и остаётся Валентин Распутин.

В ряде центральных газет, в том числе в “Литературной газете”, появились письма читателей, заметивших отсутствие на экранах телевидения и игнорирование известного писателя Валентина Распутина и предложивших исправить это недоразумение. Житель тульского города Новомосковска Владимир Смирнов написал статью под требовательным названием “Когда увидим юбилейный вечер Валентина Распутина?”. Откликнулся положительно лишь телеканал “Культура”.

То, что он стал несчастным гостем на телевидении, Распутин заметил, но не опечалился. Признался мне, что для них он чужой, что “пятая колонна”, унижающая народ и стремящаяся довести страну до распада, будет искать любой повод навредить ему.

Однажды Распутину в Иркутске предложили выступить на конференции “Молодость. Творчество. Современность” перед студентами, среди которых были и будущие журналисты. Писатель, считающий долгом серьёзно говорить с подрастающим поколением на темы будущего России, принял приглашение, пришёл и выступил так, что в аудитории запахло корвалолом, который, видимо, принимали от страха и переживаний перепуганные чиновники. А молодёжь слушала и слушала с почтением к слишком суровой, обличительной, но правдивой речи писателя. Напечатать выступление осмелился лишь редактор газеты “Русский Восток” Александр Турик. Если бы Распутин не подарил мне ту газету, то про его выступление я бы и не знал, как не ведали бы о нём и все те, кто отсутствовал на конференции.

Теперь я мог фрагмент этой выстраданной речи зачитать московским журналистам и политикам, жаждущим доказать, что современные журналисты трудятся, не покладая рук, на благо страны. Мы как раз в споре затронули тему отсутствия профессиональной гордости и чистоплотности. И тут как тут слова Распутина. Я рад был, что то выступление, напечатанное в газете, оказалось на рабочем столе, то есть под рукой. Я чувствовал, что многим оно не

понравится, но Валентин Распутин научил меня и многих русских патриотов своим примером никогда и ничего не бояться.

“Так называемые “демократические” средства массовой информации – это орден, куда ход рыцарям печального и благородного образа недоступен, – говорил Распутин. – Ход рыцарям образа злого, мстительного и разрушительного. Правда, в последние месяцы монолитность этого боевого ордена даёт трещины – от холуйского перекала в горниле российских событий, так что даже благосклонный к ордену Запад счёл необходимым выразить брезгливое удивление. Поэтому так нужны ныне журналисты честные, имеющие уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть, а не затейники, обслуживающие праздник нечестивых. Честность сегодня – тоже талант. И хотя это качество пока ещё не участвует в отборе на творческую роль, как все отверженное во имя воцаряющегося Храма, его приходится ценить вдвойне и втройне. И не как приобретённый, а как благословенный капитал”.

Журналисты слушали, молчали, не возражали, не отпускали реплик. Я охотно продолжил. Довёл до них, кажется, последний свой аргумент, тот, что переломил ситуацию наполовину. Кто-то из журналистов задался риторическим вопросом: а что, мол, нам делать, как реализовать себя и добиться успеха и признания? Он будто почувствовал, что на него не будет однозначного и нужного ему ответа, а писатель окажется профаном, не знающим, какой дать совет. Но Распутин не был бы Распутиным, если бы не предвидел растущие внутренние противоречия в душах подрастающего поколения, ищущего свою правоту и свой путь к творческим вершинам. Он без менторства и умствования, а, наоборот, с долей юмора и сарказма подошёл к ответу на звучащие вызовы.

“В наше время легко добиться успеха, – сказал Распутин. – Отдайтесь этой теме, о которой я говорил, отдайтесь, кроме того, зубоскальством над всем родным, что составляло святость старой России, или снесите терпеливо зубоскальство со стороны многоголосого “передовизма” – и вас не оставят в безвестности. Выстригайте из истории, как шерсть с овцы, десятилетия и века отечественных побед и успехов, воображайте Россию как вечную яму, куда стекают нечистоты, передразнивайте молитвы, перевирайте названия вещей или только не называйте вещи своими именами, добивайте последнюю гармонию жизни матерщиной слова и звука, без стеснения раздевайтесь на сцене донага, чтобы презреть ненавистное ханжество, – и вас вознесут, отблагодарят, премируют, самые тонкие и изысканные умы будут вам рукоплескать. Ведите на панель “искусством” своим собственную сестру, а затем и дочь, не обращайтесь вниманья, какому Богу служите, не замечайте, кто хозяйничает на земле вашей, поднимайте народ до высот своего понимания “смысла жизни”, говорите о гуманизме, свободе, общечеловеческих ценностях, если ненароком почувствуете зов сермяжного духа, – и вы достигнете высот, минуя тернии. И позвольте уверить тех, кто предпочитает путь иной, в трудной и страдательской жизни”.

Продолжительная тишина, состоявшееся молчание вдруг дрогнули перед зычным голосом того же сомневающегося во всем журналиста.

– Знаете, а вообще-то Распутин прав, – прозвучали его слова-откровения. – Нам надо что-то делать, надо спасти профессию... Мы должны, как и писатель, бить в колокола, ведь деградация человека, действительно, приняла формы, близкие к необратимым.

Неожиданное признание журналиста предопределило дискуссию. Многие его коллеги согласились почему-то с ним, а похлопали по плечу меня. Может, прочувствовали серьёзность темы, а может, попросту дипломатично или, как говорят ещё, по-английски решили уйти восвояси, уставшие и при своём мнении. Попросив при этом передать привет Распутину.

Любопытным вышел день в Госдуме. Закон не прошёл, не набрал нужного количества голосов. А дискуссия с журналистами в коридоре, начавшаяся с обсуждения высказываний нашего замечательного писателя Валентина Распутина, закончилась также упоминанием его имени.

И так уж сложилось, что я давно привык к тому, что в жизни ничего случайного не бывает. Может, всё определено Всевышним, может, случайность является счастливым везением. Иначе как может так выйти – весь рабочий день я жил с именем Распутина, говорил о нём, цитировал его, пришёл в кабинет, а там ожидает меня он же – Валентин Распутин. Следом, спустя

минуту, заглянул запыхавшийся Валерий Хайрюзов. Оказывается, они были на заседании Иркутского землячества, а по его окончании решили навестить меня. В коридорах Думы разминулись.

– Долго жить будете, Валентин Григорьевич, – сказал я. – Только что о вас говорил с журналистами. Законопроект о создании высшего совета по этике и нравственности депутаты дружно провалили, а журналистская братия ликовала. Пришлось вправлять им мозги. Но не без вашей помощи.

– При чём тут я? – удивился Распутин.

– В качестве аргумента о преступном телевидении я использовал высказывания учёного-физика Капицы и, конечно же, ваше, сказанное на одной из конференций в Иркутске. Ох, и разозлились глашатаи свободы! Еле справился с ними.

– Я слышал, что этот Совет ваш должен создаваться по типу Общественной палаты. Жаль, что закон не приняли, я уже говорил, что убийство нравственным немногим лучше убийства физического.

– Надеялись, что закон будет принят?

– Недавно состоялось наше собрание общественного Комитета в защиту традиционных духовных ценностей России. Я вошёл в этот Комитет. Там и будем работать – вместе с Беловым, Клыковым, Крупиным, Михаилом Ножкиным.

– Меня подключайте к работе, – подсказал Хайрюзов.

– Работы всем хватит, – сказал Распутин. – Надеюсь, нам удастся противостоять тому, что россиян приучают к ценностям, которые нам чужды, – культ наживы, бесстыдства, индивидуализма. Телевидение, повторюсь, это не иначе, как чума и холера на бедную Россию. Василий Белов не зря на правлении Союза писателей назвал всю информационную политику власть имущих чужебесием. Страшно, что СМИ развращают молодёжь, а не помогают ей осознать своё место в жизни.

– Меня тут журналисты пытали, как я отношусь к цензуре, и в каких отношениях Распутин с цензурой.

– Цензура нужна, но не та... Во Франции вон есть и должная цензура, и совет по контролю за СМИ. В своё время я сталкивался с цензурой, когда повесть “Прощание с Матёрой” не проходила. Её пытались снять с журнала. Бондарев тогда пошёл в ЦК партии и отстоял повесть.

– Телевидение тут разразилось – показало документальный фильм-беседу с Юрием Бондаревым. Я с интересом посмотрел... Надо же такому произойти – осмелились показать русского писателя! Бондарев молодец – резал правду про смутное время и антирусское правительство.

– Эта передача раньше была записана, – выказал осведомлённость Распутин. – Она в запаснике лежала, сейчас вынули... Для чего? Понятно, Путин говорит о значении культуры всё правильно, но говорит для того, чтобы нас разжалобить. Чтобы мы расчувствовались. Он собрал нас за круглым столом – по убогости... Кого пригласил-собрал? Тех, кто сделал культуру убогой. Я не поддерживаю внутреннюю политику Путина.

– Они это знают, чувствуют, потому наложили на вас запрет, избегают вас...

– Избегают? Да я сам их избегаю. Мне тут одно крупное столичное издательство предложило поучаствовать в их серии о войне. Я подписал договор, благо, есть что предложить читателю. А потом попросил всё-таки показать, что ещё в этой серии издательство будет выпускать. Увидел: Войнович с его Чонкиным, Астафьев с “Весёлым солдатом” и другие авторы-западники. Сразу отказался от договора. “Вы же подписали договор?” – раздалась угрозы в мою сторону. “Но не отнимать же мне у вас его сейчас обратно?!” – сказал я им. И забрал договор.

Валерий Хайрюзов затронул в беседе тревожную тему, связанную с активизацией китайцев по строительству завода с забором воды из озера. Я достал папку, в которой лежали документы, связанные с работой нашего думского комитета по экологии. Показал запросы-протесты, направленные в правительство с предложением не допустить реализации опасного проекта. Распутин поделился впечатлениями от поездки на Дальний Восток. Его встревожило то, что китайцы массово вырубают там и вывозят лес, женятся на наших женщинах. В будущем, как он считает, тесная и безоглядная дружба с Китаем выйдет нам боком.

Когда Хайрюзов вытащил из стопки книг, громоздящихся на столе, несколько экземпляров книг писателя Владимира Солоухина, разговор перешёл на его творчество. С директором издательства “Русский мир” Вячеславом Волковым мы издали полное собрание сочинений этого великого русского писателя. Деньги я выхлопотал на личном приёме у министра печати Михаила Сеславинского. В ходе переговоров пришлось прибегнуть к некой хитрости. Большой чиновник вначале воспротивился изданию, сказал, что Солоухина никто не читает и книгами его завалены все магазины. Мы поспорили, что это не так. На кону стояло: быть или не быть полному собранию сочинений. В разговоре Сеславинский упомянул популярный книжный магазин “Библио-Глобус”, где якобы лежат солоухинские романы. В этот же вечер я пошел туда и нашёл в букинистическом отделе единственную книгу Солоухина, одну из самых моих любимых, — “Письма из Русского музея”. Она была оформлена прекрасным фотографом, моим другом Анатолием Заболоцким. Только ради него я готов был купить книгу. Но приобрёл её из-за Сеславинского... На следующий день он позвонил мне сам и признался, что в “Библио-Глобусе” действительно нет произведений Солоухина. Таким образом, проект издания собрания сочинений был успешно реализован.

— Тут есть роман “Последняя ступень”? — спросил Распутин, приняв большой и увесистый подарок.

— Конечно, есть, — радостно ответил я. — Может, ради него всё и затевалось. Это не роман, а атомная бомба, как сказал Леонид Леонов.

— Точно, так и сказал, — засмеялся Распутин.

— Сожалею, что мы не дотянули до конца это собрание сочинений. В него многое не вошло, в том числе публицистика. А в ней, кстати, были воспоминания и о вас, Валентин Григорьевич.

— Разве он что-то писал по моему адресу?

— У меня, как у мудрого еврея, всё в запасниках, всё в архивах имеется. Когда Солоухин дарил и подписывал мне свои книги и газеты, в которых публиковался, я их сохранил. Книги лежат дома. А газеты здесь, потому что нужны были при подготовке собрания сочинений...

Достав из нижнего ящика стола папку с надписью “Солоухин”, я вытащил нужную газету. Распутин с Хайрюзовым внимательно слушали моё чтение.

“Мне рассказали эпизод, прекрасно характеризующий Валентина Распутина, лучшего современного русского писателя, патологически скромного. Его современники, модные поэты и прозаики, рыскают по американским университетам, за болтовню о нашей литературе, называемую лекциями, срывают тысячи долларовые куши, пооткрывали счета в иностранных банках, а он живёт себе в Иркутске и за единственные джинсы был там избит и только что не убит. Ну, да Бог с ними. Я хотел рассказать другой маленький эпизод.

Однажды в Германии Распутину неожиданно выплатили солидный гонорар. А на другой день — уезжать в Москву. Сотрудник нашего посольства, помогавший Валентину в поездке, решил помочь реализовать этот гонорар.

— Валентин Григорьевич, времени у вас — один день. Надо действовать продуманно и решительно. Подумайте, что вам нужно, и мы сразу же купим.

— Так... вроде бы мне ничего не нужно.

— Тогда поставим вопрос по-другому. Подумайте — чего у вас нет.

— Так... у меня ничего нет... — простодушно ответил Распутин”.

Хайрюзов намеревался похлопать в ладоши, как мне показалось, признавая правду Солоухина о скромности и простодушии Распутина, но тот взял его за руку, прося тем самым не делать этого.

— Не помню это, — сказал он. — Солоухин лучше про Расула Гамзатова написал. Тот однажды пожаловался на отсутствие чувства юмора у своего коллеги. Поэт пригласил того в гости в Махачкалу, а он взял и приехал. “Совсем юмора не понимает”, — заключил после этого Гамзатов.

— Лучше бы Солоухин написал, какая у Распутина шикарная коллекция колокольчиков, привезённых со всех концов света, — заключил Хайрюзов.

От пересказа солоухинских историй мы почему-то перешли к обсуждению национальной идеи, которую ищет правительство.

— Чего её искать? — вздохнул тяжело Распутин. — Такой идеей может стать правительство, но правительство наших, а не чужих национальных интересов. Пока же наше правительство страдает, повторю Белова, чужебесием.

Чиновник Греф заявляет: государство должно уйти из сельского хозяйства. Он что – глупый, не понимает, что бросать крестьян на произвол судьбы означает одно – уничтожение деревни. От характера земледелия зависит весь порядок в стране. А без деревни наступит апокалипсис.

В конце нашей беседы Распутин поинтересовался у меня, как в моём родном посёлке прошли Борисоглебские религиозные Иринарховские чтения. Видимо, эта тема беспокоила его, и ради снятия возникших проблемных вопросов он и заглянул ко мне в Госдуму.

– Ваши злопыхатели никак не уgomонятся у вас на родине? – сказал он. – Чего это они никак не уgomонятся?

– Остались всё те же претензии: не защищай музей и реставрационную мастерскую, не говори, а молчи, что найдены мощи преподобного Иринарха... Я вам рассказывал, что меня тогда поддержал Патриарх Московский и всея Руси Алексей. В беседе с ним я получил разрешение достроить реставрационную мастерскую... А когда он услышал, что недостоверные сведения о мощах святого Иринарха рождены ради того, чтобы привлечь лишних паломников с деньгами, то сказал мне, что беда эта общая. Известно, что если собрать все мощи святого благоверного князя Александра Невского, то их наберётся целый железнодорожный состав. Мои разъяснения московским писателям, защищающим активистов монастыря, не принимаются. Наоборот, они продолжают нагнетать обстановку и сочинять на меня небылицы и пасквили. Особо стараются Владимир Мартышин, мой бывший друг и помощник, и писатель-неудачник Сергей Щербаков. В посёлке появляются то листовки с обвинением Патриарха в экуменизме, то газеты, в которых сказано, что монастырь – это спецназ, и он разберётся с такими, как я. В общем, местью живут религиозные спецназовцы.

– Монастырь, конечно, не спецназ, – возмутился Распутин. – Это неправильно. Так чего они хотят от вас? Признать мощи и всё?!

– Думаете, я знаю, чего они хотят? Про мощи, про вериги я давно молчу. Но у них всякий раз новые претензии появляются. Наши расхождения в понимании и приятии Бога, видимо, значительно разнятся. Тот же Мартышин заявляет, что Бог – это страх, а я говорю, что Бог – это любовь. Показать вам статью, где про монастырский спецназ написано?

– Не надо, я читать эту ерунду не буду. Нехорошая история. И конца, и края ей почему-то нет. При мне Сергей Бабуринов говорил Ганичеву про тебя, защищал, вразумлял, объяснял... А Ганичев лишь отмахивался: давай потом поговорим...

– Ганичева настроили против... Я с ним тоже пытался поговорить на митинге возле расстрелянного Белого Дома. Так он замотал головой: мол, ничего не знаю, мне до ваших скандалов никакого дела нет.

– Мне вспоминаются слова Шульгина из его книги “Что нам в них не нравится?”, мол, не в евреях беда, а в том, что мы, русские, не ладим друг с другом.

– А я могу привести вам слова философа Ильина: “Где два русских встретятся, там война”. Кстати, Валентин Григорьевич, а почему вы не поехали на Иринарховские чтения? Во всех наших местных газетах по несколько раз сообщалось о вашем приезде и выступлении. Белов – понятно, он наотрез отказывался приезжать к ним, он мой друг, он всю правду знает. А вы там могли больше о нашем скандале узнать...

– Я и не собирался ехать на эти чтения, так как слышан об их скандальности. Тот же Белов рассказывал. Позиция ваша мне известна, а в наговоры я не верю.

Тут мы ударились в самобичевание. Кого только ни цитировали, какие только слова о беде русских ругаться ни приводили. Убедительнее всех был Распутин. Второй раз он мне озвучил поговорку, авторство которой мне не известно, но, думается, что и сам писатель мог её выстрадать... Звучит она печально: русские хлеба не едят, а едят друг друга, тем и сыты.

Под самый вечер, когда в депутатских кабинетах зажглись огни, меня вновь удивил, застал врасплох, восхитил Его величество случай. Попадая в подобные невероятные истории, я хоть и верю в них, но никак не могу к ним привыкнуть и считать их случайными, ни к чему не обязывающими. Только мы вспомнили Василия Белова, как он позвонил мне по телефону. Ему потребовалась фотокопия иконы Богоматерь Подкубенская (Умиление), хранящаяся

в музее города Ростова Великого. На письменную просьбу писателя сотрудники музея не откликнулись.

— Посодействуй, Толя, мне ой как нужна копия с этой православной святыни, — гремел голос Белова в телефонной трубке. — Это настоящий шедевр живописи!

— Я попрошу директора, мы знакомы, и он вышлет вам фотокопию с этой иконы, — пообещал я.

— Ты можешь выслать, а можешь взять её с собой в Москву. Я буду там на той неделе, зайду к тебе...

— Договорились. Как здоровье, Василий Иванович?

— Spина побаливает. А как у тебя жизнь, настроение?

— Воюем понемногу. У меня сейчас в гостях Валентин Григорьевич Распутин. Сидит напротив, спрашивает про Иринарховские чтения, что прошли в Борисоглебске, почему там никак не угомонятся мои недруги, чего они добиваются от меня?

— Это враги мешают тебе! — повысил голос Белов. — Дай трубку Распутину.

Я передал телефон Валентину Григорьевичу, слышавшему наш разговор. Писатели поприветствовали друг друга. О чём дальше говорил Белов, я не очень понял, но по напряжённому и растерянному лицу Распутина догадался: Василий Иванович защищал меня. Заключительным словом Распутина стало заверение: “Конечно, мы не дадим его в обиду...” То была замечательная, оптимистическая точка в нашем разговоре за весь день.

А последние минуты общения в этот вечер были посвящены обмену книг. Я подарил Распутину недавно вышедшие у меня книги “Дом под кронами дубов”, “Каспий в сетях браконьеров”, “Ёлки-палки, лес пустой...”. Ещё вложил в его пакет набор открыток художника Вячеслава Стекольщикова, посвящённых моему родному Борисоглебску. С творчеством художника Валентин Григорьевич был знаком, так как ранее я много рассказывал ему о нём и дарил его красочный альбом “Вечная Россия”. В ответ получил от Валентина Григорьевича двухтомник с автографом: “Анатолию Николаевичу Грешневикову от автора искренне, дружески. В. Распутин”.

— Спасибо, Валентин Григорьевич, что зашли. Вы оказались здесь, в Думе, по-моему, в самый горячий, беспокойный и противоречивый день... Спасибо за беседу, понимание и поддержку. Сегодня поддержка русскими друг друга многого стоит. Для меня важно и другое: если бы мы с вами были не на одной стороне, не в одном окопе, то я чувствовал бы себя побеждённым. А так я ощущаю себя и правым, и сильным. Вы вселяете уверенность, подсказываете, сами не замечая этого, как выжить в этом смутном и продажном мире, где ценится не совесть и душа, а деньги и только деньги. Хотел раньше спросить вас, как вам, совестливому человеку, Валентин Григорьевич, живётся в бессовестном мире?! Но не спрашиваю, вижу: вся ваша жизнь — борьба. И от вас прямо исходит энергия победителя. Спасибо, день прожит не зря...

— Мы, — а мы Россия, святая Русь, — всегда были и будем победителями!

— Прямо по Гоголю: нет в мире такой силы, которая бы пересилила русскую силу!

ПОСЛЕДНЯЯ БЕСЕДА

В чём только не обвиняли Валентина Распутина в гнилые либеральные времена — и в непонимании прогрессивных реформ, и в поддержке путчистов, припоминая статью-обращение “Слово к народу”, и в антисемитизме, и в увлечении политикой, которая нанесла якобы ущерб творчеству. Что бы ни делал он — всё нашей прозападной элите не нравилось: ни то, что Распутин был народным депутатом Советского Союза, ни то, что входил в Президентский совет по культуре, ни то, что Владимир Путин наградил его орденом “За заслуги перед Отечеством” и встречался с ним на Байкале.

Но чтобы обвинять Валентина Распутина в молчании, в том, что он испугался и ему нечего сказать народу, до этих глупостей завистливые западники ещё не доходили. Вынужденное молчание Распутина, по их выводам, было связано с тем, что он не востребован ни временем, ни обществом. То, что это неправда и несусветная чушь, они знали, но продолжали лгать и разглагольствовать.

“Распутин после “Пожара” на целых 20 лет выпал из большой литературы в большую политику”, – писала “Комсомольская правда”.

“Что же он ничего не пишет?” – вопрошали писатели-русофобы в Пен-клубе.

“Распутин твёрдо верит в силу административного ресурса”, – критикует газета “Демократический выбор”.

“Почему Распутин как художник так долго молчит?” – задавалась риторическим вопросом “Российская газета”.

Одно время Распутин откликнулся на такие выпады, объясняя, что да, пошёл в Президентский совет к Горбачёву с двумя целями: помочь Байкалу и помочь русскому языку. Отвечал, почему писатель должен заниматься не только творчеством, но и публицистикой, борьбой: “Я из тех людей, которые не могут сидеть спокойно. Если горит мой дом, дом соседа, я буду их тушить, даже если это невозможно. Совесть по крайней мере будет спокойной. Сейчас я снова начал писать художественные вещи. Хотя перерыва большого в творчестве не было. Я занимался публицистикой, написал большую книгу о Сибири. А теперь снова вернулся к художественному слову... Когда человек садится к столу, он меньше будет бегать по кабинетам искать справедливости. Хотя, если это потребуется, я, наверное, не усужу”.

Ключевым, философским, смысловым здесь является слово “не усужу”. Писатели-западники не поднялись в борьбе против поворота северных рек вчера, а сегодня они не будут выступать за необходимость сбережения народа, против сексуализации школы, не будут бить в колокола, почему “новые русские” мутируют до неузнаваемого состояния, не признают, что судьба России – в православно-нравственном возрождении на основе почвенничества, патриотизма, сохранения самобытности и традиционных ценностей. А Распутин не усидит дома, когда общество пойдёт вразнос, и его необходимо будет встряхнуть, и потребуется одному защищать и русскую культуру, и традиционные ценности.

В упомянутой книге “Сибирь, Сибирь...”, признанной Ассоциацией книгоиздателей “событием года”, Распутин обозначил, раскрыл суть внутреннего мятного состояния русского человека, коим и себя с гордостью называл:

“Нет, надо верить... И праведники ещё остаются, и не выжили совершенно люди из бескорыстия, благоразумия, веры. Да, издержался, издержился, окунулся в срамной балаган человек – да ведь не всякий же! И пусть он, не поддавшийся, осмеян нынче, затравлен, загнан в молчание и одиночество... но... стоит неколебимо он, ни за какие пряники не способный расстаться с совестью”.

Иногда мне кажется, что в словах “загнан в молчание и одиночество” Распутин имел в виду и себя, но я твёрдо знаю, что это не так. Если кто-то стремился загнать писателя в молчание и одиночество, так это продажная либеральная власть и их прислужники из “пятой колонны”, но сам писатель всей своей подвижнической и творческой деятельностью показал: он на острие борьбы. Он спасает страну от экономической колонизации и духовного порабощения. Ему не грозит вынужденное затворничество, его поле битвы – душа человека. Эта русская душа нынче под огнём телевизионной наркоты и “чернухи”, под соблазнами комфорта и потребительства. Сможет ли она выздороветь, остаться русской – на поисках ответа на эти трудные вопросы построена публицистика Распутина. А как известно, для русской литературы характерна яркая и народная публицистика. Достаточно вспомнить “Слово о полку Игореве...”, “Слово о погибели русской земли”. Всё это тоже публицистика!

В подшивках газет и журналов навеки останется публицистика Валентина Распутина, поставленная на службу и во спасение русского народа. Его статьи – этот крик души. Они о том, о чем болит и душа русского народа, – о земле, власти, природе, деревне, вере, родном языке и, конечно же, о спасении России. У всякого писателя своё понимание миссии... Распутин видел ее в культурном и духовном просвещении народа, в возделывании его души.

Поэтому с начала творческого пути девизом для себя Распутин избрал служение Родине. Он отмечал три опасности уничтожения человечества, которые существуют в мире и которые станут в его борьбе приоритетными, – это ядерная, экологическая и антикультура, то есть опасность, связанная с разрушением культуры. Своему девизу он никогда не изменял. Лишь с большей

силой верил в него и подсказывал другим: “Человек, имеющий в сердце своём Родину, не запутается, не опустится, не озвереет, ибо она найдёт способ, как направить на путь истинный и помочь. Она и силу, и веру даст”.

Был ли Распутин болен тем одиночеством, о котором так скабрёзно, со злорадством, писала и над которым подтрунивала либеральная братия? Мой ответ однозначен: не мог писатель при таком энергичном характере, при такой общественной нагрузке и востребованности патриотическими силами впадать в тоску одиночества. Жизнь его так бурлила, что он всегда находился на гребне схватки, на передних рубежах информационной войны как с фальсификаторами истории, так и с губителями наших национальных традиций.

Но у других русских подвижников, берущих с Распутина и пример гражданского служения, и уроки художественного мастерства, вопрос одиночества имел иной, сакральный смысл. Заключался этот смысл в том, что не у каждого русского подвижника, даже если он и не находился в полной информационной изоляции, хватало сил и духа идти по прямой, с открытым забралом, против антинародной власти. И рядом идущий Распутин выглядел потому одиноко идущим, одиноко возвышающимся, одиноко сражающимся... Может, в этом умозаключении и есть доля истины, но лишь доля.

Популярный современный писатель Олег Павлов винит в одиночестве Распутина нынешнее время. Его выводы имеют право на существование:

“Распутин – один из последних больших русских художников, которые ещё вкладывают в слово “писатель” какой-то смысл. Нынешнее время – тоже часть его судьбы, и его одиночество в этом времени понятно. На мой взгляд, в 1970-е годы он опередил время лет на 30–40. Потому что если теперь почитать те вещи, то станет видна жизнь, какая она есть сейчас. Не потому, что он создавал пророчества, а благодаря абсолютному пониманию людей, ведь всё, что имеет место сейчас, произошло уже тогда. Советское время для персонажей Распутина было, казалось бы, благополучнее, чем нынешнее. А он показывал, до какой степени человек сам себя разорил, – и это выглядело невероятным. Скажем, люди приезжают хоронить мать и не могут её похоронить.

Распутин ближе всего подступился к реальному человеку, к его душе – так же, как Вампилов и Шукшин. Он посмотрел на жизнь с апокалиптической точки зрения. Распутин – глубочайший философ. Главный вопрос для него – в чём заключается для людей спасение, где оно? Это человек эпохи Возрождения, а не крестьянского лубка. Он – русский и православный, но как художник он больше и своей русскости, и своей православности. Отблеск христианского взгляда на людей и на мир – вот чем живёт его проза”.

Был ли Распутин путчистом, защищающим советский строй, или наоборот – антисоветчиком, чьи произведения, по мнению некоторых западников, помогали рушить коммунизм?

У самого Распутина на сей счёт есть прямой и честный ответ:

“Мне уже приходилось говорить о том, что Россия – это удивительная страна, которую любят называть то загадочной, то непредсказуемой, в случае с коммунизмом как раз показала полную предсказуемость и верность себе. Она сделала невозможное: коммунизм, запущенный в неё для её погубления, ценой огромных человеческих и духовных жертв сумела в своих недрах переварить и поставить на государственную службу. К концу 60-х – началу 70-х годов это выявилось окончательно. Потому и был приговорён коммунизм в России, что он не оправдал возложенных на него надежд, сошёл, так сказать, с расчётной орбиты и подлежал уничтожению, которое, в свою очередь, должно было произвести в России новое социальное потрясение.

Коммунизм приняли, с одной стороны, романтики, с другой – приспособленцы и циники. Вторых, как выясняется, было больше, они и представляли всегда из себя потенциальную “пятую колонну”. Эта братия всегда и везде “пятиколонники”, для нового строя она столь же опасна, как и для старого, которому изменила. Таково её свойство – прилепляться, паразитировать, а при первых же признаках опасности – предательствовать; и всё с пафосом, с шумом, с бесстыдством”.

Гениальность Распутина не столько в том, что он философски осмыслил причины крушения коммунистического строя, при котором, как написано в его повестях и рассказах, русский человек считал себя чужим и брошенным, сколько в том, что он сказал правду о том, кому не нужна была суверенная и самобытная Россия. И правда эта имела основания: как только

стоило России, переварив коммунизм, отказаться от самоуничтожения, так “пятая колонна” совершила новую горбачёвско-ельцинскую революцию. Этой либерально-руссофобской клике, увлечённой чужеродными идеями, не нужна сильная и единая Россия, им нужна колония для грабежа, вот поэтому они вновь, но уже в крошечные и подлые 90-е годы, терзали и убивали Россию.

Для меня Валентин Распутин был и остаётся тем писателем, который давал ответы на все вызовы времени, а значит, и на те вопросы, которые мучали меня лично.

Зачем большому писателю тратить время на публицистику? В этом ли миссия писателя?

Распутин без всяких заумствований даёт прямой ответ:

“Нормальный писатель обычно откликается на всё, что происходит вокруг. Иначе он не писатель, а клоун. Среди моих друзей таких нет, вообще я стараюсь “пофигистов” сторониться. Ну как, скажите, я мог усидеть, когда пытались повернуть на юг северные сибирские реки? И разве можно было молчать, когда травили Байкал? Поэтому и приходилось браться за публицистику”.

В чём главная опасность для России?

У Распутина и здесь есть ответ, с которым трудно не согласиться:

“Россия с её тысячелетней историей — по всем меркам молодая цивилизация. И грозит ей не старость, не усталость, не изношенность, а “красивая” жизнь в пучине безнравственности и отвержения традиций. Римлянам и грекам не снилось то, что вывалилось на Россию с телевидением, “культурной революцией” и нравственным разложением человека”.

Чем опасна массовая культура?

На этот вопрос — о набирающей убийственной силе массовой культуры, о всепобеждающем шоу-бизнесе, ставящем великую страну с вековыми духовными и культурными традициями на грань выживания и самоуничтожения, — боится давать честный и вразумительный ответ целая армия писателей, философов, актёров, художников, не говоря уже о политиках и государственных деятелях. А Распутин давно вынес свой смелый и пророческий вердикт:

“Массовая культура — это психоз потребительства. Она — признак духовной пустоты или неустроенности. Человек, вырастающий в личность, имеющий характер личности, этому психозу не поддаётся, стадность — удел слабых, копирующих всё, что делают другие”.

Возможно ли примирение с российскими писателями-западниками, состоящими в другом творческом союзе? После разрушительного и провального правления Ельцина такие, как Евгений Евтушенко, уехавший в Америку, но приезжающий на лето на Байкал в свой дачный домик, шлёт Распутину приглашения на свои выступления. Однако ответа на них не получает.

Распутин, поддержавший первый роман поэта своим предисловием, вынужден был публично ответить:

“Сколько принесла вреда в последние годы, в последние десятилетия наша интеллигенция, особенно интеллигенция высшего порядка, демократическая интеллигенция, что слово это потеряло не только своё звучание, но и свой смысл. Интеллигенция — будущее России. Если будет у нас национальная интеллигенция, будет будущее России; если интеллигенция будет, как это было до сих пор, космополитической интеллигенцией, если Россия будет взрачивать и по-прежнему потакать, и давать все блага только космополитической, антинациональной интеллигенции, то у России никакого будущего быть не может. В эти годы, эти месяцы часто говорят о том, что если бы правая и левая интеллигенция объединились, то тогда могло бы произойти примирение и объединение России. Но простите, с кем нам мириться, с кем нам объединяться? С кем нам бороться? С Черниченко? С Евтушенко? С Коротичем? Да это просто невозможно ни для меня, ни для моих товарищей, потому что это были разрушители. Эта интеллигенция стала орудием разрушения России, и это орудие работало не один год и даже не одно десятилетие”.

Стоило ли столько сил тратить на защиту русского языка?

И опять Распутин отвечает так, как никто до него не отвечал:

“Русский язык изучают там, где есть духовность”.

И никому из словоблудных либеральных писателей, деятелей культуры, политиков из “пятой колонны” не суждено подняться до нравственных вершин Распутина. Зато подбрасывать в прессу и общество домыслы и сведения,

полные лживого яда, будто писатель исписался, не востребован ни временем, ни обществом, и это они делают с размахом и неприкрытым энтузиазмом, этому их учить не надо.

Только и тут правда не за ними.

Среди больших и разных международных литературных премий есть одна из самых почитаемых, исключая Нобелевскую, среди писательского сообщества – премия “Москва-Пенне”. Она, действительно, пользуется авторитетом в мире и существует три года. В 2003 году в Китае Валентину Распутину как раз присудили эту награду – “Лучший зарубежный роман XXI века”. Наша либеральная общественность пришла в ярость от недоумения, каким образом повесть “Дочь Ивана, мать Ивана”, прозванная ими националистической, обогнала соперников из Америки, Франции, Великобритании, Испании и Германии?! Тем более, они были уверены, что, выдвинув на премию своих законстелных западников Петрушевскую и Искандера, они гарантируют им победу. И над журналом “Наш современник”, предложившим жюри кандидатуру Валентина Распутина, лишь посмеялись. Кто, мол, из состава жюри, где опять же их западники сидят – Войнович, Сидоров, Давыдов – будет голосовать за русских патриотов-националистов?!

Просчёт их оказался сильным. Абсолютную победу Распутину обеспечило общественное жюри. По условиям международного конкурса, именно оно после заключения литературного жюри ставило точку, кому присуждать премию. И как бы в газете либералов “Московский комсомолец” ни ёрничали над тем, что в общественное жюри вошли какие-то школьники и студенты, читательский успех был на стороне Распутина. То была профессиональная оценка. Эти студенты представляли лучшие вузы страны – Московский государственный университет имени Ломоносова (МГУ), Литературный институт (кузница будущих писателей и поэтов), МГИМО, Университет дружбы народов, Лингвистический университет имени Тореза и Московский педагогический университет имени Ленина. Намерение либералов принизить статус и уровень премии, унижить писателя закончилось тем, что они унизили сами себя. Опозорились они и на международном уровне, ведь среди инициаторов премии и членов жюри был ещё и славист, профессор Венецианского университета Витторио Страда. Город Пенне, обозначенный в премии, находится как раз в Италии.

Китайцы не только перевели на родной язык повесть “Дочь Ивана, мать Ивана”, но и выпустили в свет четырёхтомник Валентина Распутина. В Мексике проявили интерес к творчеству нашего классика и записали его произведения на видеокнигу. Правительство Монголии издало книгу “Дочь Ивана, мать Ивана” и вручило за неё Распутину медаль “За литературу”.

В московском клубе “Пегас” состоялось вручение Большой и Малой литературных премий России. Тут учредителем были Русский биографический институт, Союз писателей России и агентство “Сократ”. Лауреатом малой премии единогласно был определён Валентин Распутин, и отмечены были уже не художественные повести и рассказы, а публицистика.

Чем больше негодовали и трезвоили либеральные СМИ, тем чаще Литературные премии сыпались на Валентина Распутина. Он стал получать награду за наградой: лауреат Государственной премии России за выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности, лауреат премии святых Кирилла и Мефодия, лауреат Международной премии имени Ф. М. Достоевского (Таллин), лауреат премии “Имперская культура”, лауреат премии имени Александра Невского “России верные сыны”, лауреат премии Правительства России.

У западников-руссофобов во власти сдавали нервы: какие бы они ни предпринимали действия по замалчиванию либо шельмованию писателя, он становился в народе всё популярнее, и президент России награждал его высшими орденами страны – орденом “За заслуги перед Отечеством” и орденом Александра Невского.

Но затихли они, презираемые в народе с их либеральными фальшивыми ценностями, посчитали себя побитыми и униженными, когда узнали, что их кумир, их знамя, их ориентир на западные права человека – великий писатель Александр Солженицын – тоже вручил свою премию Валентину Григорьевичу Распутину. И с какой формулировкой: “За пронзительное выражение поэзии и трагедии народной жизни, в сращенности с русской природой и речью; душевность и целомудрие в воскрешении добрых начал”. А до громкой и помпезной церемонии вручения награды Солженицын написал Распутину

письмо, которое также крепко потрепало и побило последних либералов. Среди его честных строк о творчестве Распутина были фразы о том, что он творил во время мерзкой либеральной власти.

Лауреат Нобелевской премии Солженицын писал Распутину:

“Делю Вашу щемящую тревогу за духовное и нравственное состояние нынешнего русского народа и само выживание его. Правители, объятые алчным властолюбием либо ненасытным обогащением, думают об этом менее всего. Не смущайтесь и тем, что Ваши общественные выступления вызывали поток политической грязной брани по закупленному эфиру, от ничтожных людей, ищущих вовсе не сохранения России, да часто и живущих вне её. После изжитых нами грозных десятилетий – наступившее время ещё по-новому мерзко и мрачно для всех нас”.

Ничего западникам-русофобам не оставалось делать, как признать, что Валентин Распутин востребован, почитаем, и он не в творческом простое, а пишет, и из-под его пера вышли в последнее время значительные произведения – повести “Сибирь, Сибирь...”, “Дочь Ивана, мать Ивана”, рассказы “В ту же землю”, “Изба”, “В непогоду”, “Видение”, книги смелой и злободневной публицистики “В поисках берега”, “Эти 20 убийственных лет”, “Боль души”.

Все эти книги, ставшие творческим открытием для читателей и давшие им жизненную силу, я читал по нескольку раз. И в последнюю нашу беседу я говорил о них с Валентином Распутиным. Не сказал только того, о чём думалось и о чём постеснялся сказать. Накануне прихода ко мне Распутина я смотрел знаменитый фильм “Звезда”. Щемило сердце от того, как перед последним неравным боем с фашистами, прежде чем погибнуть, русские разведчики успевают передать в штаб важные донесения.

Пришедший ко мне поговорить Валентин Григорьевич чувствовал себя неважно, сказывался внутренний надлом. Он только что долго лежал в больнице. И не отступившая болезнь снова звала его туда же... Я осознавал, предвидел: это наша последняя встреча. Последняя беседа. То, что Распутин успел написать на склоне лет, – написано душой, кровью, нервами и большим сердцем, и это следует рассматривать как завещание, которое оставляет подлинно русский писатель, солдат духовного воинства, патриот, исповедник нравственности, последний хранитель великого животворного русского языка, совесть народа. Его уход из жизни мог означать только одно: с его смертью заканчивается период русскости в современной России. Литературный критик, близкий друг Распутина Валентин Курбатов так и написал мне после утраты друга, что теперь вокруг – пустота. И то правда: на нём держалась русская духовность в культуре и искусстве.

Тяжесть момента, нравственные переживания не помешали нам пообщаться. Мне пришла в голову идея не просто побеседовать с писателем о том о сём, а так, чтобы душа в душу, сердце к сердцу, и сделать с ним полноценное интервью для своей партийной газеты “Справедливая Россия”. Задать ему, исследователю тайн русской души, волнующие меня вопросы: например, почему наш народ теряет интерес к работе? как вернуть литературе её настоящий русский облик и душевный строй? когда наши литераторы осознают свой писательский долг, а политики начнут национальное воскрешение страны?... Недавно я прочёл выражение Распутина, которое могло стать лейтмотивом беседы: “Бывало и хуже, но никогда не бывало столь густой нравственной тьмы”. Но так как готовность взять интервью родилась спонтанно, то мне, бывшему профессиональному журналисту, не пришлось раскачиваться, настраиваться, переживать и подбирать темы.

Я включил магнитофон и начал пытаться собеседника.

Распутин отвечал с прежней свойственной ему прямолинейностью и искренностью.

– Валентин Григорьевич, когда я прочёл Вашу новую книгу “Эти двадцать убийственных лет”, передо мной встал единственный вопрос: как мы, русские, допустили убийство нашей культуры, нравственности, государства? У Вас, как у истинного писателя-патриота, нашлись силы бороться с колонизацией страны. Все атаки врагов, травля в печати смело и мудро отбиты. Из книги я понял, что у Вас на ненавистников всего русского выработался иммунитет, и он подкреплён словами Сенеки: “Не нравиться дурным – для человека похвально”. Но есть ли силы у народа бороться за самостоятельность

государства, за сохранение его духовных и культурных ценностей? Автор повести “Всё впереди” Василий Белов предрекал нашей стране печальное будущее. Скажите, что же нас ждёт впереди?

— А что там, впереди? Мне через два года будет восемьдесят. Смотреть на судьбу страны с высоты прожитых лет — толку мало. В России по-прежнему нет осознания того, что без возрождения культуры, духовности, исторической памяти невозможна никакая экономическая политика. Кризис в экономике — это кризис в умах. Наши политики вложили огромные средства в олимпиаду. Думали, после неё кризис пойдёт на спад. Нет. Опять требуются деньги на подъём экономики. К тому же и сами олимпийские объекты нуждаются в дополнительных средствах на содержание. Политика и экономика зиждятся не на деньгах, а на образовании и культуре. Я иногда слежу за работой парламента, вижу: в политику идут порядочные люди, такие, как Горячева, Харитонов, Нарышкин, как Вы, но этого мало.

— Недавно благодаря Вам я побывал в Иркутске, познакомился с деревянным зодчеством Сибири, попробовал омуля из озера Байкал. При всей экономической бедности регионов у вас берегут памятники архитектуры, особо хранят двухэтажные деревянные дома с оригинальными резными наличниками, а у нас в Ярославле их сносят.

— Старая часть Иркутска осталась. Памятники сохраняются. Это видно. Деревянные дома мне тоже симпатичны. Их как-то миновала разрушительная судьба. В Ярославле я давно не был, но многие храмы помню. Они очень красивы. Сегодня иркутские губернаторы понимают значение истории, старины, берегут архитектурное и зелёное богатство города. Мне удалось помочь землякам построить деревянный храм. Его срубили местные мастера. Экология у нас значительно лучше стала. Правда, на моей родине, в Братске, с экологией всё так же тяжело.

— Облегчит ли судьбу озера Байкал решение о закрытии бумажного комбината?

— Байкал стоит пока. Слава Богу, комбинат всё-таки убирают. Первая попытка закрыть его оказалась неудачной, потому что власть не создала новых рабочих мест. Сначала надо новое производство обустроить как следует, а потом идти на закрытие старого. Нынешние политики вроде это понимают. Сейчас в Госдуме разрабатывается законодательство о полном запрете строительства вредных заводов рядом с Байкалом.

— В конце года у меня запланирована командировка в Бурятию. Собираюсь посмотреть на Байкал со стороны другого региона.

— Это интересно. Я там бывал. Разница есть. После наблюдения за жизнью Байкала со стороны Иркутска, а затем и Бурятии, ты замечаешь, что озеро выглядит по-разному. Дело не только в экосистеме, в качестве воды, в отношении людей к водоёму. Мне, например, любопытно было наблюдать, как идёт вода, как она шумит, гремит... Жизнь озера там идёт по-другому...

— А чем закончилась Ваша борьба со строительством Богучанской ГЭС? Когда по центральному телевидению показывали документальный фильм “Река жизни” с Вашим участием, я не мог сдержать слёз... Конечно, было понятно, что олигарх Дерипаска победит, и плодородные, живописные участки земли будут затоплены. Но неужели нашим высокопоставленным чиновникам не понятно, что обустроенные деревни, храмы, археологические памятники, кладбища, пойменные луга стоят во много раз дороже нового источника дешёвой энергии? Неужели Ваша трагическая книга “Прощание с Матёрой” никого и ничему не научила?! Я в парламенте выступил против строительства Богучанской ГЭС, призвал министров читать Вашу великую книгу, а в ответ — равнодушие.

— Дерипаска оказался сильнее народа. Ему нужна энергия для продажи в Китай, а жильё крестьян, обычаи, памятники для него ничего не значат. Власть денег развращает чиновников, губит природу... Затоплять родную землю ради того, чтобы задарма торговать электроэнергией, — это преступление не только перед нынешними, но и перед будущими поколениями. Таков лейтмотив фильма. И Владимир Путин, конечно, помог ему построить Богучанскую ГЭС. Если бы Путин был против, то ничего этого не было бы.

— У Вас была возможность подсказать Президенту страны В. Путину, когда Вы с ним вместе спускались в батискафе на дно Байкала, что надо остановить строительство Богучанской ГЭС. Когда я смотрел по телевидению на

ваше совместное погружение, то подумал, что Распутин воспользуется ситуацией и попросит остановить экологическую катастрофу.

— Ещё в Москве я договорился с Владимиром Путиным, что когда он будет в Иркутске, то примет меня... Я собирался поговорить с ним о новой гидростанции. Звонил ему. Мне дали телефон. И он обещал: “Я сам собираюсь быть в Иркутске, там и встретимся”. Так и случилось. Президент прибыл на Байкал, и губернатор пригласил меня на встречу с ним. И как только представилась возможность поговорить с президентом, я сразу спросил его о том, можно ли остановить строительство новой ГЭС и знает ли он о губительных последствиях проекта? Он ответил: “Мы не можем остановить стройку”. Тогда я сказал, что нужно обязательно это сделать. Предотвратить экологическую катастрофу — задача власти. Ещё сказал, что люди, когда узнают, что вредный для природы проект остановлен, будут и к нам, и к президенту относиться по-другому. “Будущие поколения будут вас благодарить за спасённые от затопления леса, деревни, храмы, погосты, памятники”, — повторил я. А он повторил своё: “Уже не можем...” Так что трагедия с Матёрой ничему нас не научила. Власть вновь наступает на те же грабли. Я помню ту встречу до мелочей. Мы общались минут пятнадцать. Беседа тогда грубовато шла... Сейчас, когда Владимир Путин стал, кажется, помудрее, погосударственнее, решение могло быть другим. Я чувствовал, что он тогда не решался на поступок.

— Выходит, президент не услышал вас. Это, кстати, не единственный случай. Я года два назад разговаривал с известным журналистом Василием Песковым. У него тоже была встреча с Владимиром Путиным. Он долго просил его отказаться от принятия нового Лесного кодекса, по которому ликвидировалась лесная охрана, вместо лесников хозяином в лесах становился арендатор. Президент обещал знаменитому натуралисту не отдавать лесные угодья в распоряжение арендаторов, но слово не сдержал.

— Да, Лесной кодекс привёл к валу коррупции, к грабежу природы, к массовым пожарам. На второй встрече с президентом я собирался заступиться за русский лес, но не получилось. Эта встреча состоялась в Кремле, где президент вручал мне Государственную премию. Он тогда произнёс хороший доклад. Я же свою речь не закончил. В какой-то момент я понял, что не вижу собственный текст, потому остановился... Кстати, Вы, Анатолий Николаевич, единственный, кто поздравил меня с присуждением Государственной премии.

— Равнодушие коллег-писателей меня не удивляет. На похороны к великому писателю Василию Белову приехали лишь Анатолий Заболоцкий и Владимир Крупин. При жизни классика я видел, как писательская братия ездила к нему за поддержкой и помощью, а тут у них не нашлось времени проводить его в последний путь.

— Скверно. Если бы я не болел, то обязательно бы поехал проститься с Беловым. Это был писатель с чистой совестью.

— Валентин Григорьевич, давным-давно, беседуя о противостоянии русских писателей, участвовавших в скандалах в Союзе писателей, Вы привели мне поговорку, которая по сей день пугает меня. Уж слишком тревожно она звучит: “Русские хлеба не едят, они едят друг друга, тем и сыты”. Неужели с тех времён ничего не изменилось в стане наших патриотов?

— Ничего не изменилось. Скандалы порой вспыхивают на пустом месте. Из-за этого я боюсь ездить на писательские съезды, встречи, конференции... Да и со здоровьем плохо стало. Недавно был наш съезд. Председатель Союза писателей Ганичев приглашал. Но я там не был. Хотя проблемы коллег меня волнуют. Боюсь, из-за скандалов мы потеряем Дом писателей, а ведь он выдержал не одну осаду чиновников-либералов.

— Между тем, все Ваши друзья — и Шукшин, и Белов — умели дружить, умели избегать конфликтов, хотя у всех были горячие характеры.

— Они больше заботились о стране, чем о собственных интересах.

— А конфликт с писателем Виктором Астафьевым?

— Там всё было иначе, чем пишут в газетах. Наши разногласия с ним заключались только в том, что мы перестали общаться. Но я и тогда, и сейчас не приемлю последние его работы. Такого же мнения придерживался и Белов. Недавно по телевидению показали документальный фильм режиссёра Мирошниченко, в котором Астафьев и артист Петренко беседуют о прошлом и будущем России. В этой беседе было много искусственного... Большому

писателю нельзя подчиняться законам журналистики. После смерти Астафьева я съездил к нему на родину в Овсянку, постоял у могилы, простился, мысленно поговорил с ним... Боль за Россию у нас была единой.

— А рассказывал ли Вам наш общий друг кинооператор Анатолий Заболоцкий о том, как мы с ним одиннадцать лет устанавливали памятную доску на доме, где жил замечательный писатель Солоухин? Вместо поддержки писателей мы встретили в нашем Союзе непонимание и вредительство.

— Рассказывал в деталях. Помнится, мне довелось помогать ему в сборе денег для скульптора, который вначале дал согласие повесить памятную доску, а потом снял её... Неприятная история. Я знаю, что тогда вам с Заболоцким помогла заместитель мэра Шевцова. Хорошо, что вам с друзьями удалось издать собрание сочинений Солоухина. Плохо, что его предстоящий юбилей не освещает телевидение.

— Мне почему-то кажется, что Вы никогда не включаете телевизор?

— Смотреть по телевизору нечего. Но я всё равно включаю его. Смотрю в основном информационный блок. Новости страны надо знать.

— Однажды в парламенте я встретил своего коллегу, кинорежиссёра Станислава Говорухина, напомнил, как он, будучи руководителем избирательного штаба кандидата в президенты Путина, сказал ему, что он, вступив в должность, обязан “убрать мразь с телевидения”. Говорухин заявлял это публично, понимая, что телевидение — мощное информационное оружие, направленное против нашей культуры. На мой вопрос, так когда уберут “мразь” с телевидения, Говорухин ответил: “Никогда!” Вы разделяете точку зрения Говорухина?

— Конечно. Все основные телеканалы работают против нашей культуры. Я об этом много раз говорил, писал, выступал.

— Смелый доклад Вы сделали на Всемирном Русском Соборе. Задолго до Говорухина сказали о том, что мы живём в колониальном государстве, и назвали признаки колонии: чужая культура, чужие законы, чужие песни, чужая экономика. Сегодня что-то изменилось в стране?

— Ничего не изменилось. Всё то же самое... Для того чтобы прекратить хотя бы информационную войну против отечественной истории и культуры, достаточно забрать телевидение из рук либералов и передать его патриотам-государственникам.

— Полностью согласен с Вами. Если власть не остановит фальсификацию истории, подмену духовных и культурных ценностей, то у страны трагическое будущее. Когда власть уничтожала культурное и экономическое наследие русской деревни, я спросил у Василия Белова о будущем деревни. Ответ его был категоричен: “Деревню уже не возродить”.

— Сейчас нет деревни. Явно не стало крестьян. Потерян смысл работы на земле. Один миллион гектаров пашни не обрабатывается. Власть так разорила деревню, что там нет никакой работы. Кто может — уезжает, другие перебиваются, как могут... Но разве будет жить Россия без крестьянина? Лес — и тот спилили. В деревне уже почти ничего нет. Там сейчас добирают остатки и ничего не сажают, не сеют. Белов видел эту губительную политику. Глубоко переживал, страдал. Отсюда и пессимизм. Не вижу и я правительственных шагов по возрождению деревни. России нужны крестьяне, а не олигархи.

— Валентин Григорьевич, в журнале “Ладога” я прочёл тёплые, трогательные слова воспоминаний о Белове. Скажите, а Вы помните первую встречу с Беловым, и когда у Вас состоялась последняя беседа с ним?

— Встречи с Беловым запомнились на всю жизнь. Они были наполнены искренностью, жизнелюбием, заботой о друзьях. Познакомились мы в гостинице “Россия” накануне писательской конференции... Заболоцкий рядом был. Подтвердит, что мы сразу сошлись характерами, взглядами. А последний раз мы виделись за год до его смерти. Постоянно говорили по телефону... И часто беседа шла не о собственном здоровье, а о здоровье России. Сейчас надо крепко потрудиться над тем, чтобы достойно увековечить память об этом замечательном человеке и писателе. Уже сделано большое дело — вышел семитомник его трудов. Теперь нужно установить в городе памятник.

— Литературные критики не перестают обвинять Вас, а до этого их стрелы летели и в Белова, что Вы зря занимаетесь публицистикой. Они настойчиво советуют писать не статьи и очерки о бедах и горестях русского народа, а заниматься художественными рассказами и повестями. Как Вы относитесь к таким советам критиков?

— А что делать? Наблюдать, как гибнет государство?! Когда телевидение и пресса взяли на себя право давать плохие ориентиры, совершать, как я тогда писал, “моральное растление и убийство миллионов”? Нет, этого я себе позволить не мог. И Белов тем более. Если бы мы не занимались общественно-политической работой, мы перестали бы быть писателями. На наших глазах Россия теряла поколение за поколением. Либералы делали из них врагов исторической и национальной России. Состояние морали в обществе ужасало. Нам надо было скорее говорить правду о происходящем... Нам казалось, что это поможет. А вот помогло, не помогло наше слово — я не знаю...

— Ещё как помогло! На Вашей публицистике выросло поколение просвещённых патриотов. В литературе появились интересные молодые критики. Недавно мой друг и издатель Дмитрий Лобанов издал книгу молодого писателя о Вашем творческом пути “Русский гений — Валентин Распутин”. В московском издательстве “Прометей” вышла коллективная монография “Творчество В. Г. Распутина в социокультурном и эстетическом контексте эпохи”, а в Томске вышла научная монография “Время и бремя тревог. Публицистика Валентина Распутина”. Так что ваше искреннее и тревожное слово о человеке и бытии нашло отклик и поддержку.

— Название книги смущает. Зайду в книжный магазин “Библио-Глобус”, возьму её... Скажу честно, авторы преувеличивают мои заслуги, но мне приятно, что труд не пропал даром.

— Что сейчас пишете?

— С большим трудом пишу о Богучанской ГЭС. Сделал текст, теперь надо его вычитать. Написал очерк после того, как мы ездили прощаться с Ангарой, когда был снят фильм “Река жизни”. В экспедиции участвовали хороший кинодокументалист Сергей Мирошниченко, литературный критик Валентин Курбатов и книжный иркутский издатель Геннадий Сапронов. Идея фильма принадлежала Мирошниченко. Я с ним знаком года четыре, даже больше — пять. Спонсором был Сапронов... У него в ходе съёмок затопляемых деревень и храмов остановилось сердце.

— Фильм нужный, трагичный, бросающий вызов и бездумной власти, и хищным олигархам. Кажется, в нём сказано всё о трагедии Иркутской земли, великой реки Ангары, о безумии общества... Или я ошибаюсь? О чём Вы ещё скажете читателю?

— Невыносимо тяжело было видеть по берегам Ангары брошенные деревни, разруху, запустение. При встречах с людьми поражала их безысходность... Они жили ожиданием катастрофы. Я не приемлю строительство новой ГЭС на Ангаре, которая затопит последние деревни, кладбища, обжитые земли. Три гидростанции уже построено. Сейчас запустят четвёртую... Кажется, человек должен жить лучше. А ему всё хуже и хуже. Он потерял чувство родины. Ему не нужны теперь ни власть, ни гидростанции, ни родная земля. Разве народная усталость, равнодушие, беспамятство — не последний вызов России?!

— Чужие нравы и песни, чужая культура и экономика сделали своё дело. Эти Ваши провидческие слова не дошли до власти предрержащей. Народ болеет, вырождается, вместо него появляется население. Вы не поверите, Валентин Григорьевич, но у меня слёзы на глазах выступили, когда я услышал в фильме призывы мужиков, собравшихся за весёлым столом с питьём и закуской попрощаться с родными местами: “Затопляйте нас, Дерипаска, затопляйте!” Совсем иначе покидали малую родину жители Матёры. Сорок лет, кажется, прошло. В давнем фильме “Прощание с Матёрой”, снятом по Вашей известной повести, брало за душу трагическое противостояние народа и власти. Крестьяне упорно отказывались переезжать на новое место жительства. Их насильно выживали. Душевные переживания, философское осмысление судьбы природы и людей, понимание значимости сохранения законов памяти свидетельствовали о нравственном здоровье простого народа.

— Всё течет, всё изменяется. Я как раз пишу о последствиях строительства Богучанской гидростанции. Хотя понимаю, что моя прежняя повесть “Прощание с Матёрой” наших чиновников при власти ничему не научила. Вновь зeki ходят по брошенным пустым деревням и сжигают дотла крестьянские избы. У некоторых домов, говорят, забытые собаки на привязи воят. Под воду “мёртвого моря” уйдёт более 10 миллионов кубометров леса... Топляк потом всплывёт, а часть древесины пойдёт на дно и начнёт отравлять воду.

– Десять миллионов кубометров леса? Так это же почти половина ежегодного экспорта необработанного “кругляка”!

– Да, да, 120 тысяч гектаров леса мы теряем по своей глупости и жадности.

– У нас в Ярославской области в настоящее время идёт широкая дискуссия о том, нужно спустить воды Рыбинского водохранилища или не нужно. Одни учёные и общественники говорят, что если восстановить прежнюю затопленную часть земли, то будет благо, другие рассуждают иначе, пугают новыми экологическими бедствиями, процессами гниения и всякими эпидемиями. На Ваш взгляд, стоит ли спустить Рыбинское водохранилище?

– Правильная дискуссия. Хорошо бы спустить воду. Возродить всё, как было раньше. Опасаться негативных последствий не нужно, природа сама всё восстановит. Если экологические и социальные проблемы водохранилища оставить неразрешёнными, то дальше будет ещё хуже. Продолжится обрушение берегов, большой замор рыбы, заболачивание и цветение воды. Я вижу, как гибнет Ангара. Раньше это была крупнейшая река, великая река. В моей деревне нельзя пить воду. В детстве всё было иначе. Были колодцы, но воду пили из реки... А сейчас Ангара едва движется. Мешают гидростанции. Без необходимого течения и моя река, и ваше водохранилище теряют способность к самоочищению. Вода застаивается, появляется мелководье, водоросли... Увеличивается концентрация вредных веществ. Начинаются процессы гниения. Особенно там, где были затоплены лесные массивы, кладбища, скотомогильники. Борьбу с природой давно пора прекратить.

– За границей научились беречь и лес, и реки. Кстати, Валентин Григорьевич, впереди наступают тёплые летние времена. Куда Вы собираетесь поехать из Москвы на отдых? В родные места или в Европу? В каких зарубежных странах Вы побывали, какая Вам больше по нраву? Или родная Сибирь ни в какое сравнение не идёт с заграницей?

– Еду в Иркутск, на Байкал. В родных местах я лучше всего себя чувствую. Раньше с удовольствием ездил в Японию. Трижды там бывал. Недавно японцы издали мою книгу. В Китае также вышло собрание сочинений. Мне очень дорога Сербия. Помню каждую встречу с этим братским православным народом. Но сейчас меня тянет только на родную землю.

– Поклон иркутской земле. До новых встреч!

– Тогда я Вам так и подпишу свою книгу: “Анатолию Николаевичу – с надеждой на долгие встречи”. Осенью жду Вас на Байкале.

– Спасибо.

Вот такой была наша последняя беседа. Она была опубликована ещё при жизни писателя. Я послал газету ему почтой. Ответа не последовало. Валентину Распутину оставалось жить семь месяцев.

Несмотря на большую утрату, на душевную пустоту, моя жизнь всё-таки наполнена счастьем: я живу в стране, которая рождает таких великих писателей-мыслителей, как Распутин и Белов, я всегда читал их книги, брал из них примеры для подражания и учения, а ещё я имел честь общаться с этими русскими великанами. Валентин Григорьевич Распутин как был, так и остался моим духовным наставником, поводырём и учителем, уроки которого я выучил наизусть и буду следовать им всю свою жизнь.